

Александр Козин

Волжское затмение

Роман

Александр Козин

Волжское затмение. Роман

«Издательские решения»

Козин А.

Волжское затмение. Роман / А. Козин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831973-0

Июль 1918 года. Отряд белых офицеров во главе с полковником Перхуровым совершает «мини-переворот» в Ярославле. Советские власти города, упустив момент, когда с мятежом можно было покончить «малой кровью», берут город в осаду. В Ярославле и вокруг него разворачивается настоящая война, в пекле которой оказываются и белые, и красные, и мирные гражданские люди.

ISBN 978-5-44-831973-0

© Козин А.
© Издательские решения

Содержание

На Кашинской пристани	6
Теперь мы вдвоём	9
Вы умрёте. Только и всего...	15
Господин Погодин на платочном randevu	21
Лобовой удар полковника Перхурова	25
Хитрец и беглец	39
Народоправство	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Волжское затмение

Роман

Александр Козин

© Александр Козин, 2016

ISBN 978-5-4483-1973-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На Кашинской пристани

День стоял солнечный, жаркий и пыльный. Обычный ярославский день в самом разгаре лета. Тихо и душно было на городских улицах, и редких прохожих спасали от палящего солнца густые старые липы вдоль мостовых, заросшие скверы и бульвары. Ночью прошёл ливень, кое-где ослепительно сияли лужи и сейчас, поздним утром, чувствовалась ещё стремительно уходящая ночная свежесть. На смену ей шла влажная, тяжёлая духота.

И лишь на Волжской набережной, у пристаней, было сегодня, как нигде, многолюдно и шумно. Грохотали на свозе телеги. Тукали копытами, поводили впалыми боками и резко фыркали исхудалые лошади. То и дело вздымались и щёлкали кнуты, грубо кричали возчики, бранились грузчики и визжали мельтешащие дети.

Пристаней на Волге в Ярославле было когда-то много. Одна другой краше, с причудливыми, как терема, дебаркадерами, они кичились своими залами, буфетами, ресторациями, соревновались в умении очаровать пассажиров и грузовладельцев. Каждая пристань гордо выставляла напоказ название хозяйской паровой компании: «Самолёт», «Кавказ и Меркурий», «Рубин», «Товарищество Кашина». И в те ещё не столь далёкие лучшие времена на Волге было тесно от пароходов. Грохот, гудки и колёсный переплеск не смолкали день и ночь всю навигацию. Но теперь от былого величия остались лишь две капитальные пристани – бывшие Кашинская и «Самолёт». Была у Семёновского своза ещё одна – утлая, шаткая, грубо сколоченная, откуда три-четыре раза в день ходил на Заволжскую сторону, в Тверицы, маленький пароходик «Пчёлка». Другие пристани были закрыты, а роскошные дебаркадеры отбуксированы в затон, где потихоньку разбирались на дрова. О лучших временах в городе говорили охотно, много и звучно, но на деле их давно никто не ждал.

И то, что происходило сейчас у Кашинской пристани, было лишь слабой, жалкой кариатурой прошлого. Стояли, сидели, шастали туда-сюда встречающие, уезжающие, просто зеваки. Тут и там шла вялая торговля и мелькали мешочники – мрачноватые бородатые мужики в стоптанных сапогах, мятых картузах и кепках. С деньгами было туго и, имея такое богатство, как суррогатный – пополам с соломой – хлеб, сухари, грубую тёмную муку, пахучий табак-самосад, можно было обзавестись кухонной утварью, полезными в хозяйстве инструментами, добрым мотком ценной материи на пошив одежды. Да и то: большинство горожан щеголяло в старом, поношенном, латаном-перелатаном затрапезе, сохранившимся ещё со старых, довоенных времён. Затянувшееся лихолетье научило их ценить на вес золота любую мелочь.

А у пристани стоял и скупой дымил старый, кургузый, закопчённый пароход. Местная линия речного сообщения еле жила. Но её сил ещё хватало на один рейс в три дня до Рыбинска и обратно, в Кострому. Расписание давно не действовало. Отход – по прибытию и загрузке. Подходя к Ярославлю, пароход давал длинный, старчески дребезжащий гудок, и со всех выходящих на Волжскую набережную улиц и переулков начинали стекаться люди. Это был маленький праздник. Уже потому, что пароход ещё ходит, что теплится на реке жизнь, несмотря на все революционные передряги. И то, что тремя-четырьмя годами ранее казалось странным чудачеством, – пойти посмотреть на пароход – теперь было важным для жизни ритуалом.

Погрузка и посадка уже заканчивались. На палубе плотно расселись основательные крестьяне из приволжских деревень, городские мастеровые с сундучками, вездесущие мешочники. Промелькнули два тощих студента с обшарпанной гитарой. Предотходная суতোлка понемногу стихала.

У самого входа на облупленный дебаркадер, чуть в стороне от людского потока, стояли и негромко разговаривали двое мужчин. Было им на вид лет по сорок с небольшим. Один,

высокий и худой, в поношенном пиджаке, серых брюках и пыльных сапогах, заметно сутулился и, задумчиво покусывая нижнюю губу, с напряжённой вопросительностью взглядывал на собеседника. Боевые кисточки давно не стриженных усов под прямым, с широкими крыльями, носом настороженно пошевеливались, а короткая, чуть растрёпанная борода слегка топорщилась. Он что-то говорил, с трудом выталкивая слова. Собеседник же, среднего роста, крепкий и подвижный, облачённый в неновый, но почти щёгольский костюм-тройку с часовой цепочкой на жилетке, выглядел спокойным и даже весёлым. Он тоже был усат, но кончики его ухоженных и тщательно подстриженных усов лихо загибались вверх, отчего на жёстких губах чудилась недобрая, презрительная улыбка. Тонкий, хрящеватый, хищно-чуткий нос, казалось, то и дело принюхивался к воздуху. Пристальные, внимательные серые глаза блестели, но этот блеск был холоден и страшноват. Что-то неживое, жестокое и тоскливое мерещилось в нём. Но это – если присмотреться. А так эти два человека не обращали на себя никакого внимания. Обычные служащие какой-то советской конторы, мало ли их...

– Ну, Виктор Иванович... В час добрый, – тихо проговорил высокий, вздохнул и глянул украдкой через плечо собеседника на кресты и купола церкви Петра и Павла. – С Богом. От успеха вашего дела зависит всё... – он нервно сглотнул и осёкся.

Собеседник выразительно, прожигаяще взглянул на него, склонил набок голову и вдруг улыбнулся. Коротко. С извинкой. Будто колкость какую сказать хотел. Покопался на скушающего неподалёку конного милиционера, на двух молодых бездельников, что стояли, облокотясь о перила, и лужгали семечки.

– Отойдём, Александр Алексеевич. Вон туда... А то проходу мешаем. Люди с поклажей идут, а мы... – и, прихватив своего приятеля за локоть, повлёк его через дебаркадер в дальний угол пристани у носа парохода. Здесь и в самом деле было пусто, и никто, даже случайно, не мог их слышать.

– Волнуетесь, Александр Алексеевич. Нехорошо, – покачал он головой, всё так же ехидно улыбаясь из-под острых усов.

– Мало нас. Слишком мало, Борис Викторович. Вы же понимаете, что даже в случае вашего успеха в Рыбинске... – чуть сдавленно, но спокойно проговорил Александр Алексеевич.

– Тут уже нечего обсуждать. Всё решено. Помощь мне обещана твёрдо. Наше дело – верить. И продержаться. Три-четыре дня. Самое большое – неделю. Ваши сомнения мне понятны, но назад не отыграть. Верьте. Это уже полдела, – отрывисто и веско проговорил собеседник. – И прошу вас, Александр Алексеевич, соблюдайте конспирацию. Здесь даже стены могут слышать. Я – Виктор Иванович.

– Виноват. И спасибо, что обнадёжили, – съехидничал, не выдержав, Александр Алексеевич. – Я сделаю всё и пойду до последнего. Как и вы. Тут никаких сомнений. Но почему вы так верите... им? – и указал взглядом куда-то вверх по Волге.

– Просто я хорошо их знаю. Для них деньги – всё, им ни царя, ни Бога не надо. Такими деньгами там не бросаются. А если бросаются, то знают, что смогут их с лихвой вернуть. Вот и всё, – с жестяной усмешкой пожал плечами Виктор Иванович. – А если это и не так, – улыбнулся он шире, но уже добрее, – у нас же с вами, Александр Алексеевич, всё равно другого пути уже нет. Вот и вся моя вера.

– Воля ваша, Виктор Иванович. Но здравый смысл... – усмехнулся в свою очередь Александр Алексеевич, и смутная тень пробежала по его хмурому лицу. И мелькнула странной досадой в карих, непроницаемых, чуть навывкате, глазах.

– А здравый смысл здесь плохой советчик, дорогой мой Погодин. Дело надо делать. А резонничать – после. На почётном геройском отдыхе. Только так. А иначе – пуля в лоб.

Не чужая, так своя. Собственноручная. Вот и все резоны, – и Виктор Иванович счёл нужным смягчить сказанное лёгкой, но многозначительной улыбкой.

Александр Алексеевич резко выпрямился. Губы под усами-кисточками плотно сжались, густые брови сползли к переносице. Но он промолчал. Лишь длинно выдохнул воздух из широких ноздрей.

– Вот за это я вас и ценю, Погодин. Выдержка в нашем деле – всё. И верю в вас. Ну, прощаемся. Пора... – и Виктор Иванович кивнул в сторону капитанского мостика. Туда уже забрался капитан в ветхом штопаном кителе и старомодной фуражке. В руках он вертел жестяной рупор, готовясь командовать отход.

– Пойдите, да ведь рано ещё, – с недоумением поглядел Погодин на часы-луковицу, а потом на Виктора Ивановича. Тот кивнул, и по его лицу скользнула загадочная усмешка.

– Так надо. Всё сговорено. А нам с вами зазор во времени не повредит, так ведь, Александр Алексеевич?

Погодин пожал плечами и кивнул.

– Прощайте, – тихо проговорил Виктор Иванович. – Впрочем, какого дьявола... До свиданья. До скорого победного свидания! Связи больше не будет, так что действуйте, не ждите.

– И вам удачи. С Богом!

И они коротко обнялись. Виктор Иванович подхватил свой маленький дорожный саквояжик, обошёл изгородь и шагнул по сходням на палубу. Капитан рявкнул что-то в рупор и дал хриплый, прерывистый, прокуренный дешёвым углём гудок. Отдали швартовы, и пароход качнулся, заколотил, заплескал колёсами.

Погодин, не глядя больше на отходящий пароход, резко повернулся и зашагал к набережной. Наспех проверился на ходу на возможную слежку. Ничего подозрительного. У здешних стен ушей, кажется, нет, зря опасался Виктор Иванович. А чтобы остановить его, Погодина, нужны, помимо ушей, ещё и крепкие вооружённые руки. А они у Советов слишком слабы и коротки.

Теперь мы вдвоём

Пароход уже отвалил от пристани и, плеща колёсами, разворачивался к фарватеру. Тяжёлая, кургузая, как торец поросячьего корыта, корма ворочалась уже метрах в десяти от дебаркадера. И тут, толкая и задевая последних пассажиров, провожающих, встречающих и зевак, на пристань влетел рослый, неуклюжий, взмокший от бега парень лет шестнадцати в белом картузе, пёстрой, в тёмную крапинку, косоворотке и грубых мешковатых высветленных брюках под ремнём. На форменной латунной пряжке сверкнул затейливый вензель «ЯрРУ». Стоптаные, шитые-перешитые сандалии звонко зашлёпали по настилу. На округлом, простоватом, остроносом лице – нетерпение пополам с перепугом. Карие глаза под белёсыми, выгоревшими бровями блуждали. В них – отчаянье и вопросительность. Полные, с упрямым изгибом, губы плотно, до белизны, сжаты. Проскочив дебаркадер, он вылетел к причалу и застыл, вцепившись в деревянный строганный пыльный брус ограждения. Жадно впился распахнутыми глазами в уходящий пароход. И тут же вздрогнул, передёрнулся всем телом. С кормы, из правого угла, облокотясь на леер, на него – прямо на него! – пристально и многозначительно глядел какой-то человек. Его лица нельзя было уже разглядеть, видны были лишь глубокие залысины на высоком лбу, чуткий хищный нос, щегольски закрученные усики. Но глаза, как две светящиеся иголки, пронизывали насквозь, холодили сердце и высекали по спине крупные мурашки. «Господи, кто это... Что это...» – вопросительно пролетали перепуганные, рваные мысли. Смирная оглушительно колотящееся сердце, парень отвлёк глаза. А когда опять взглянул на пароход, страшноватого пассажира там уже не было. Но эти глаза... Змеиное в них что-то. Пронзительное и безжалостное. Унимая дрожь в руках и пересиливая нахлынувшую слабость, Антон Каморин облокотился о брус. Опоздал! В самый неподходящий момент опоздал! Опоздал проводить Дашку, помочь поднести вещи, попрощаться, в конце концов... И вдруг опять вздрогнул и затрясся. Дашка! Господи, Дашка там, на этом пароходе! Вместе с этим страшным типом! Господи, ну почему? Ну почему всё так? Прибеги он пятью минутами раньше – всё было бы по-другому. А пароход втягивался уже под кружевной железнодорожный мост. И долетевший до пристани хриплый, кашляющий, прерывистый гудок прозвучал для Антона, как издевательская насмешка.

И это слегка усмирило. Как водой холодной в лицо плеснуло. «Да чего я, в самом деле? – одёрнул он себя. – Ничего не случилось. И не случится. Среди бела-то дня! Не све- череет ещё, а она уж в Рыбинске будет. Тьфу, я-то дурак...»

Он снял кепку, вытер ею вспотевшее лицо и медленно пошёл с дебаркадера на берег. Но предчувствие, странное и страшноватое, тяжело сосало в груди. «Что-то будет... Что-то будет», – шумело в ушах. И, вспоминая жуткий взгляд незнакомца, Антон вздёргивал плечами и озирался.

А пароход уже пропал из виду. Только облако бурого дыма за мостом медленно рассеивалось над волжской рябью.

«Дашка... Странная она, – уже спокойно думалось Антону. – Чудная. Загорелось уехать, видите ли. Нет, тут что-то не то. Бледная, нервная, дёрганая и осунулась как! Глаза одни... Случилось что-то. Факт, случилось. Только разве она скажет...»

С Дашей Ермиловой, девчонкой-ровесницей, Антон провёл всё детство. Их отцы, слесаря железнодорожных мастерских, очень дружили между собой. Сообща готовили детей к учёбе. Своей матери Антон не помнил: она рано умерла от скоротечной чахотки. И добрейшая тётя Нина, Дашина мама, билась с обоими малышами, обучая их грамоте и счёту. Дашка, сероглазая, курносая, в мелких веснушках, с коротенькой, как морковка, пшеничной косичкой, была очень мила и смешлива. Вот только болтала без умолку, как трещотка, и медлительный, немногословный Антон выносил её с трудом. Хотя и любил. Как сестру.

И вдруг детство кончилось. Внезапно и навсегда. Грянула война. Дашин отец, дядя Максим, ушёл на фронт добровольцем несмотря на железнодорожную бронь. Там он через год и погиб. Каморины в меру сил помогали вдове и сироте дочке. Но сил было немного. Наступили скверные времена, и самим надо было как-то выживать. Хорошо хоть, Даша училась теперь в гимназии бесплатно как дочь героя, погибшего за царя и Отечество. Она повзрослела, вытянулась, но стала мрачной и молчаливой. И тень – смутная и болезненная – легла на её бледное лицо. Это делало её ещё больше похожей на мать. Тётя Нина, невысокая, подвижная, набожная женщина тоже вся высохла, помертвела и не снимала траурного платка. Общаться с ними было непросто.

А потом разразилась революция, и события ринулись вскачь, одно другого страннее и непонятнее. Все – от мала до велика, от важного и осанистого городского головы до презренного золотаря заговорили вдруг о политике. Политика была везде. Она гремела на улицах, шелестела на разные лады по домам, и даже в кухонной кастрюльке под крышкой была политика. Потому что наступал голод.

Сюда, в древний тихий Ярославль, революционные веянья почти не долетали. Жизнь шла через пень-колоду, всё более скудея и ужимаясь. Слава Богу, совсем отменили плату за учёбу, иначе бы – прощай, училище. Разрываясь между учёбой и случайными заработками – совестно было сидеть на шее у отца – Антон несколько месяцев не видел Дашу. Не до встреч было. А потом революция заложила очередной вираж, и к власти пришли большевики. Отец теперь до ночи пропадал в своём депо по партийным делам. Антон только тогда и узнал от него, всегда сдержанного и молчаливого, что он уже больше года в большевистской партии. Но таких, как Василий Андреевич, в городе было немного. Ярославцы настороженно и неодобрительно присматривались, принимали к новым властям, не зная, чего от них ждать. Притихли, затаились, исчезли с глаз долой некогда знатные люди – купцы, заводчики, видные дворяне. Но это была недобрая, взрывоопасная тишь.

Зимой этого года отец распрощался с сыном и уехал работать в Москву. Там, объяснил он, и платят больше, и работа интереснее. Антон понимал, что дело тут вовсе не в работе, но не расспрашивал. Без толку. Перед отъездом Василий Андреевич устроил сына на хорошее место. Кочегаром на мельницу Вахрамеева, что высится серой пятиэтажной громадой над Которослью. Работа эта могла считаться хорошей только по нынешним временам. Была она тяжёлой, жаркой и пыльной. Поначалу было очень туго. Но Антон, крепкий, смывший и хватистый, быстро свыкся. Работали сменами по двенадцать часов. Антону как учащемуся сделали послабление – день через три, без ночей. В училище на его «рабочие» прогулы смотрели сквозь пальцы. Точно так же «прогуливали» все ученики старших классов. Да и шло к тому, что училища да гимназии скоро вовсе упразднят. Что будет взамен – никто не знал.

В один из вечеров после смены Каморин по обыкновению блаженствовал в реке. Замерев на спине, он с наслаждением ощущал, как бегущая вода Которосли расслабляет его, вымывает усталость из одеревенелых мышц. Открыв глаза, Антон увидел мельком, как по высокому берегу, по тропинке, торопливо движется невысокая, худенькая женская фигурка в платочке и длинной юбке. Он, конечно, не обратил бы внимания, но характерные отмашки рук, да и сама походка – по-мальчишечьи скорая и твёрдая – показались ему знакомыми. Давно знакомыми. С детства. Дашка! Да, это, кажется, она! И Антон, раньше чем успел что-либо сообразить, уже выскочил из воды, обтёрся наскоро и принялся поспешно одеваться. Догнать! Догнать...

И резво, взмахивая руками, Антон потрусил вслед за удаляющейся девушкой.

– Даша! Дашка! – окликнул он, подбегая. И похолодел. А ну, как обознался? Во конфуз!

Девушка вздрогнула, приостановилась, обернулась. И просияла. Её улыбка была полной, радостной, счастливой. От неё смешно морщился нос и чуть приоткрывались дёсны над зубами.

– Антон? – ошарашено моргая, вопросительно протянула она.

– Даша... Дашенька... – пробормотал Антон, неудержимо улыбаясь в ответ.

И с этих пор они встречались каждый вечер. Антон уже знал всё о её жизни. Даша, оказывается, тоже работала. Учила грамоте малышей в рабочей слободке, в Тверицах, что сразу за Волгой. Мать, Нина Петровна, работала в детской больнице фельдшером, но в последнее время стала сдавать здоровьем, взяла отпуск и жила теперь в деревне под Рыбинском. Даша по-прежнему жила нелегко, но, по крайней мере, не голодала. И – главное! – в ней не осталось и тени от той придавленной, заморённой, потемневшей от невзгод девочки. Это была теперь взрослая, полная неброского достоинства девушка, уже вошедшая в отпущенные природой манящие, будоражащие формы. Особенно волновала коса. Толстая, в два Антоновых пальца, тугая, цвета зрелой пшеницы и длинная, до пояса. Антон упротил-таки Дашу не закатывать её, не прятать под платком, а носить свободно. Девушка упрямылась сначала – не привыкла, – но уступила. И чувствовалось, что ей очень нравится его внимание.

Так прошло полмесяца. И вот вчера Антон, по обыкновению, поджидал Дашу у переезда. Но она появилась совсем с другой стороны – из города. Обеспокоенный Антон участливо заглянул ей в лицо – и едва не отшатнулся. На него смотрела та, прежняя Даша, которую он помнил год назад. Лицо заострилось. Под глазами – усталые бессонные круги. А ещё – испуг. Никак нельзя было поймать её взгляда. Она то и дело опасно озиралась.

– Дашка, что случилось? – встряхнул её за плечи Антон.

– Антон... – еле слышно проговорила она. – Я... Я завтра уезжаю. Мне очень надо. Срочно.

– Да что ты? Зачем? Куда? – не понимал Антон.

– В Рыбинск. Завтра пароходом... – затухающе прозвенел её голос.

– Да что там? С матерью что-то? – почти кричал Антон ей в лицо.

– Да... Болеет. Написала. Зовёт... – и девушка махнула рукой в сторону Волги. – Ты не беспокойся. Всё будет хорошо. Я скоро. Мы увидимся. И, Антон, не провожай меня. Я сама. Прошу тебя, не надо. Ради меня...

– Господи, Дашка... Ну хорошо, не буду. А завтра-то? Завтра можно проводить? На пароход? – бормотал совсем сбитый с толку Антон.

– Не надо. Впрочем... если хочешь. Он в половине одиннадцатого отходит. Всё, не могу больше. Прощай.

И, коротко поцеловав его в щёку, девушка поспешно исчезла в сумерках. А Антон так и остался стоять, озадаченно скребя в затылке.

Всё это до малейших подробностей вспомнилось ему сейчас, когда он, уйдя с пристани, медленно брёл по берегу. А тут ещё этот странный и страшный человек на пароходе. Ерунда, конечно, пустые страхи, но кто знает... Антон тяжело вздохнул, расправил спину и зашагал в сторону трамвайной остановки.

И вдруг... Голову, что ли, напекло, чудится? Имя своё он слышал. Окликнули его. Тихо, тоненько. И голос. Дашкин голос, из тысячи узнаешь, не перепутаешь. Вздор! Она же сейчас на пароходе! Даже оборачиваться не стал. А в груди тоскливо закололо. Плохой это знак. Очень плохой.

– Антон! – снова донеслось до него. Громче. Протяжнее. Отчаяннее. Но всё же приглушенно, боязливо.

– Дашка... – прошептал он. – Дашка! – крикнул во весь голос и заоглядывался. Вон, вон она, за деревом, по ту сторону рельс, будто прячется от кого...

И со всех ног бросился к ней.

– Дашка! Ты что... Как? Как ты здесь? – задыхаясь, захлёбываясь, выкрикнул Антон, подбегая к девушке. Она сидела за деревом на фанерном обтёрханном чемоданчике. Тут же, рядом, лежал толстый узел из старой жёлтой простыни. С бельём, наверное. Даша подняла голову, и большие, серые, полные слёз глаза с болью и мольбой вскинулись на Антона. И что-то жалкое, отдалённо похожее на улыбку, пробежало по припухшим бледным губам и впалым щекам.

– Антон! Антон... Как хорошо, что ты пришёл! Что ты услышал... – тихо пробормотала она и расплакалась. Дрогнули плечи под тонкой белой кофтой с кружевными рукавчиками. Судорожно задёргался круглый, добрый подбородок. Жалко зашмыгал маленький, мягкий, как клубничка, нос. Обиженно раскрылись жалостливым треугольничком губы, и крупные слёзы выбрызнулись на скулы из-под коротких ресничек. Но даже такая – зарёванная – Даша была очень мила Антону, влекла к себе и волновала. И он, не помня себя, опустился перед ней на корточки, взял её за руки и заглянул в лицо.

– Дашка... Ну? Чего ревёшь-то? На пароход опоздала, что ли? Да?

Девушка всхлипнула и, закусив губу, долго и пристально посмотрела на Антона.

– Да, – кивнула она и, высвободив руку, утёрла лицо рукавом. – Думала, успею, а он... – и отчаянно махнула рукой.

– Тоже мне, горе! – улыбнулся ей Антон. – Через три дня уедешь. Загодя придём, ночевать на пристани будем... Будем, Дашка?

– Будем... – улыбнулась сквозь слёзы девушка.

– Да чего ты так уж? Мать, что ли, совсем расхворалась?

– А? – будто не расслышав, подалась она к нему. – Мама-то? Да, болеет...

– Ну, ничего, ничего. Подождёт три денька, не страшно. Ерунда какая... А ты уж сразу в рёв. Негоже. Взрослая тётя. Почти учительница, – успокаивающе, с улыбкой, шептал он ей.

Даша горестно покачала головой под голубой, в белый горошек, косынкой, откинула с груди за спину свою роскошную пшеничную косу и вдруг улыбнулась. Во всё лицо. Сморгнулись последние слезинки, дрогнули в уголках губы, заиграли ямочки на щеках.

– Спасибо тебе, Антон. Как хорошо... Что мы вместе! Снова вместе... – вздохнула она, подобралась, встала с чемодана и одёрнула свою длинную – до лодыжек – юбку.

– И пойдём. Пойдём скорее отсюда, не могу я здесь больше, хватит, – и, опасливо оглядевшись, подхватила чемодан и узел.

– Пойдём, – пожал плечами Антон. – Только не горячись. Это понесу я, – и осторожно перехватил у неё вещи. Недоговаривает Дашка, ох, недоговаривает. Напугана. И здорово, кажется. Но ничего. Ничего. Только не надо лезть с расспросами. Пусть сама. Когда сможет.

Поднялись по крутой лестнице на верхнюю набережную и пошли по Казанской улице над Семёновским съездом. С каждым шагом Даша веселела. Будто отпускало её. Она перестала тревожно озираться, шла впереди, весело притопывая поношенными чёрными ботиночками на низком каблуке и звонко смеялась на притворные жалобы Антона по поводу тяжести вещей. Ранним утром город хорошо прополоскало дождём, улица была свежа и умыта. Под водосточными трубами ещё стояли мелкие лужицы. Но солнце припекало, и было уже душно.

Впереди была Семёновская площадь и поворот на Пробойную улицу. Там же, неподалёку – трамвайная остановка. Оттуда легче было уехать: чаще ходили вагоны. Шедшая впереди Даша уже вышла из-за угла на Пробойную, но вздрогнула, отступила, побледнела и схватила Антона за рукав.

– Антон! Стой. Не ходи туда! Подождём. Подождём давай! – прерывающимся голосом пролепетала она, и Антон почувствовал, как ему передаётся её волнение и дрожь.

– Дашка... Да ты чего? Что там такое-то? Ну-ка... – и подался было заглянуть за угол, но Даша накрепко вцепилась в него, почти повисла.

– Нет! Нет, Антон! Ты не знаешь. Хорошо, что не знаешь... Там тот... Высокий. Погодин! – страшным шёпотом, с мольбой и ужасом в глазах выговорила она, побледнела и пошатнулась. Антон подставил чемодан и усадил её.

– Сиди – и ни с места! – прикрикнул он, отошёл и осторожно выглянул из-за угла, смиряя колотящееся сердце. По тротуару, метрах в двадцати, неспешно удалялся какой-то человек в пиджаке, брюках и шляпе-котелке. Приостановился и со скучающим видом принялся рассматривать вывеску какой-то конторы. Антон разглядел на его лице усы и бороду. Был этот человек и в самом деле высок, худ и сутул, но ничего опасного и угрожающего в его облике не было. Постояв с полминуты, он снова двинулся по тротуару в сторону Ильинской площади. Весь в досадном недоумении, Антон вернулся к Даше.

– Ты шутишь, что ли, – с легким раздражением спросил он. – Или бредишь? – и осторожно коснулся её лба. – А может, я чего-то не понимаю?

– Антон, да послушай меня, – просительно вздохнула Даша. Она уже успокоилась. – Это Погодин. Он тут, на Пробойной, в номерах живёт. Я знаю. Не надо, чтобы он нас видел. Пусть пройдёт. А мы – после. Я потом всё тебе расскажу, Антон. Не здесь.

– Но Дашка... Почему мы должны его бояться? Не понимаю, – сварливо, чуть хорохорясь, поговорил Антон, чувствуя, однако, как в душе нарастает серьёзное беспокойство.

– А потому, – вздохнула Даша. – Я из-за них не поехала, пароход пропустила. Хорошо, они меня не видели. А то бы... – и дрогнула голосом. – Да не стой ты таким болваном, Антон, бери вещи... – и встала. Антон машинально подхватил узел и чемодан.

– И рот закрой, – тихо добавила Даша. – Я вовремя их увидела, они впереди шли. Этот, Погодин, и второй. Виктор Иванович. Главный над ним, кажется. Антон, это страшные люди. Особенно тот, второй. У него такие глаза... И сам он... Я такое видела... – и голос, слёзно задрожав, сел до шёпота. Девушка зябко съёжилась.

– Да подумаешь – глаза, – пожав плечами, пробормотал Антон и тут же вздрогнул, как от ожога. Глаза! Тот жуткий пассажир на корме парохода... Значит... Значит, всё это правда?

– Антон, да что с тобой? Очнись. И так тошно...

– А? Нет, я слушаю. Ты продолжай, Дашка, я ничего, – медленно ответил он, ощущая колючий, противный поток мурашек от затылка к пояснице.

– Я... Я думала, они уехали. Оба. Уже обрадовалась. А этот, Погодин, здесь... Страшно, Антон.

– Дашка, ну а ты-то откуда их знаешь? Что у вас общего-то? Что за люди? – еле удерживая голос от предательской дрожи, спросил Антон.

Даша отчаянно замотала головой.

– Не знаю... Ничего, ничего я не знаю. Они не одни, у них сообщники в городе. Они убийцы, Антон. Я правда ничего не знаю, но тебе... Тебе со мной лучше не показываться. Со мной опасно, понимаешь? Они могут следить. Может, и сейчас следят, а мы не знаем. Да не озирайся ты, мало ли... Погодин-то неспроста остался. Давай я поеду домой, а ты...

– Перестань, Дашка. Никуда ты одна не поедешь. И не нагоняй страху, с меня и так хватит. Вот что, – чуть поколебавшись, взглянул на Дашу Антон. – Сейчас мы пойдём ко мне. Передохнём, обмозгуем. Ты всё мне расскажешь. Всё как есть. А там, может, и решим чего... Вдвоём-то всё легче. Главное, Дашка, ты не одна теперь. Об этом помни. Идём.

Но тревога и маленький холодный страшок стояли комком у горла. И отступили только дома, когда Антон накрепко запер калитку и входную дверь.

– Давай, Дашка, проходи, не тушуйся, – подбадривал он девушку, помогая ей разуться. – Вот так, снимай свои кандалы. Вон ноги-то натёрла, того гляди волдыри пойдут... Голодная небось?

– Нет-нет, Антоша, не хлопочи. Я только... Попить бы мне... Пересохла вся, жарко, – ужасно стесняясь, пролепетала Даша. Антон провёл её в маленькую тесную заднюю ком-

натку с окном во двор, усадил за стол, бросился на кухню, налил в кружку воды из холодного самовара, напился сам и принёс Даше. Она жадно вцепилась в кружку и припала к ней губами. Пила беспорядочными глотками, и слышно было, как зубы судорожно прикусывают жестяной край.

– Бедная ты моя, бедная... – горестно вырвалось у Антона. Он смутился.

– Нет, – отдышавшись, с лёгкой улыбкой ответила девушка. – Раньше была бедная, а теперь – нет. Теперь мы вдвоём. Теперь не так страшно... Ой, Антон, ещё принеси, а?

И целый час в доме звенел негромкий, взволнованный Дашин голосок. Она сбивалась, останавливалась на мелочах, которые казались Антону ненужными, стойко боролась с подступающими слезами, часто пила воду из кружки и стеснительно прятала под стул босые ноги. Антон, глядя на неё во все глаза, кивал, поддакивал, ласково подбадривал и поглаживал по руке, которую бережно держал в своих ладонях.

Вы умрёте. Только и всего...

Занятия в Тверицком начальном училище проходили позавчера в первой половине дня, и около трёх часов пополудни Даша была уже на перевозе. Разморённая жарой, она села на трамвай у пристаней, и через двадцать минут неторопливой и тряской езды вышла из вагона на Сенной площади. День был не базарный, будний, и народу на площади почти не было. Да и в базарные-то дни здесь теперь было малоллюдно – денег у людей нет, всё по карточкам, торговли никакой, только обмен, да и опасно: запросто могут счесть спекулянтom и арестовать. Сенная – ярмарочная – площадь, судя по всему, доживала последние времена.

С площади Даша свернула на большую, широкую, но такую же пустынную Пошехонскую улицу. Вела она в сторону Которосли, чуть под уклон. Пройти надо было два перекрёстка до глухого тупичка, в конце которого и был Дашин дом. Неспешно шагая, Даша искоса взглядывала на своё отражение в полузаколоченных витринах бывших магазинов и лавок. В летней лёгкой выгоревшей шляпке, в затрапезной рабочей кофточке, в плотной пыльной юбке до пят она очень не нравилась себе и тяжело вздыхала.

А впереди, словно прогуливаясь, помахивая свёрнутой в трубочку газетой, неторопливо шёл неуклюжий, длиннорукий и как будто выпивший молодой человек в студенческой фуражке и серой толстовке под ремешком. Он неловко ставил ноги и чуть пришаркивал мягкими матерчатыми туфлями. Даша остереглась обгонять его: от таких можно ждать чего угодно. И нарочно остановилась, сделав вид, что прихорашивается у какого-то тёмного окна.

А странный молодой человек неспешной своей походкой нагнал-таки другого прохожего – плотного, с широким бритым затылком мужчину в сером кургузом пиджаке. Собираясь, видимо, его обогнать, он зашёл слева и вдруг резко, с небольшого замаха, ударил его свёрнутой газетой под затылок. Раздался глухой хрусткий удар и тихий стон. Мужчина пошатнулся и осел, подхваченный сзади под мышки молодым человеком. Тут же из-за ближайшего поворота вывернулась извозчичья пролётка с поднятым верхом. Из неё стремительно выскочил маленький вертлявый крепыш в белом картузе и полосатой рубашке навывпуск. Вдвоём они подхватили обмякшего мужчину и затолкнули в пролётку. Безвольно моталась его бритая голова с белым лицом. Из носа и ушей струилась вишнёво-красная кровь. И через минуту пролётка и седоки скрылись за поворотом. Даша, пронизанная и припиленная ужасом, который бывает в кошмарных снах, ни жива ни мертва стояла посреди тротуара, моргая вытаращенными глазами. Двинуться с места не было сил. И вдруг её правую руку стиснул цепкий, как тиски, хват. И неведомая сила втащила девушку в подворотню, а потом в заброшенный чёрный ход полуразрушенного дома во дворе. Здесь был полумрак и глухая пустая тишина.

– Не пытайтесь кричать, будет хуже, – предупредил негромкий голос над ухом.

А она и не могла кричать. Из её судорожно разинутого, ловящего воздух рта вырывались лишь тихие, беспомощные хрипы. Незнакомец, чуть помедлив, отпустил свой железный хват и вышел из-за её спины. Это был сухощавый, чуть выше среднего роста мужчина в приличном, но пропылённом костюме серого цвета, бархатной жилетке и узкополой шляпе.

– Ну-ка, успокоиться! – резко прикрикнул он. – Тотчас же! – и его губы под изящно закрученными усиками изогнулись в презрительной ухмылке. Но у Даши окончательно ушло сердце в пятки. Её затрясло.

Ни слова не говоря, незнакомец вдруг несильно, но резко дважды хлестнул Дашу по щекам. Лицо ожгло, в глазах всё на миг вспыхнуло и потемнело. Но дрожь прошла. Задышалось ровнее. И никакой боли.

– Ну вот и прекрасно, – опять улыбнулся незнакомец и сдвинул шляпу к затылку. – Говорить можете? – и пристально взглянул на девушку. Глаза его были печальны и страшны. Внешние углы были трагично опущены книзу, а хищные, желтовато-серые зрачки холодно светились мрачной безжалостностью. Видимо, пожалев свою пленницу, незнакомец отвёл взгляд и подвинул шляпу на лоб.

– Ну? Можете говорить? – требовательно и резко спросил он.

– А? Д-да... – еле выдавила Даша нетвёрдым шёпотом.

– Спасибо. Наконец-то, – снова усмехнулся он. – А теперь скажите-ка мне, барышня, что вы видели сейчас на улице?

– Что... Ну... Какие-то люди... Я их не знаю! – завсхлипывала девушка, и из глаз помимо воли выбрызнулись слёзы. – Я домой иду... Я ничего вам не сделала!

– Ничего, – отрывисто выговорил незнакомец. – Только и всего, что увидели сцену, которую вам видеть не следовало. И попали в серьёзную беду. Книжки читаете? Как поступают с ненужными свидетелями? Ну! Отвечайте! – и вперил в Дашу свой скорбно-змеиный взгляд. Даша почувствовала, как в груди что-то оборвалось и гулко упало.

– Вы... меня... – тихо пролепетала она, отступая к стене.

– Только в обморок не падайте. Иначе вам конец. У меня нет ни минуты возиться с вами. И, если я до сих пор это делаю, значит, не собираюсь убивать вас. Пока.

– Но кто... Кто вы? Что вам нужно? – у Даши вдруг появился голос. Дрожащий, плачущий. Но голос.

– Ага. Это уже разговор. Кто я – вам всё равно. А нужно мне от вас много. Очень много. Вы напрочь забудете о том, что видели на улице. Вы вообще по ней не шли и ничего не знаете. Ясно вам?

– Да... И всё? – заморгала Даша.

– Нет, барышня. Не думайте, легко не отделаетесь. И не дрожите. Поедете сейчас в центр, на Пробойную...

– Но...

– Молчать. Там, напротив угла Варваринской, есть гостиница. Так, мебелирашки. В тринадцатом номере там живёт Погодин Александр Алексеевич. Повторите.

– По... годин А... лександр Алек... сеевич... – послушно, заикаясь и цепenea под взглядом незнакомца повторила Даша.

– Скажете ему, что Виктор Иванович велел кланяться. Он излечился от лёгкой простуды, которая так его беспокоила. Теперь его здоровье вне опасности. Нужно сказать именно эти слова именно в таком порядке. Повторите.

Запинаясь, Даша повторила и это. Но незнакомец нахмурился.

– Не «просил передать», а «велел кланяться». Никакой отсебятины. Ничего не добавлять и не пояснять. Вы больше ничего не знаете. И не вздумайте фантазировать. Всё поняли? – сухо и хлестко спросил он.

– Да, да... – торопливо пролепетала Даша. – Только... Только не смотрите на меня, мне страшно. А если... Если я откажусь?

Незнакомец хмыкнул и вздохнул.

– Это будет глупо, барышня. Ничего особенного не случится. Мир не рухнет. Вы умрёте. Только и всего. Прямо здесь. Прямо сейчас. Вы не оставите мне иного выхода, – простенько, с улыбкой ответил незнакомец, и у Даши почернело в глазах. – И, барышня, если, не дай Бог, вам взбредёт в голову обратиться к властям, знайте, что они вас выдадут.

– К-кому?! – отшатнулась Даша и закашлялась.

– Мне. Я наблюдаю с этой минуты за каждым вашим шагом. Я вижу и слышу всё. Вам ясно? – и две холодящие металлические искорки снова в упор уставились на неё.

Даша кивнула и зажмурилась.

– Прощайте, – услышала она и, когда открыла глаза, поняла, что стоит в заброшенном подъезде одна. И тут хлынули слёзы. Обильные, крупные, неудержимые. Не в силах справиться с ними, Даша уткнулась лицом в ладони, прислонилась к стене, сползла на корточки, сотрясаясь всхлипами. Она одна, одна, совсем одна лицом к лицу с какими-то страшными людьми, подстерегающими её на каждом шагу. Ну почему, почему именно её угораздило влипнуть в эту жуткую и непонятную историю? Впрочем... Пусть лучше она. С Антоном бы, например, этот кошмарный тип не стал церемониться ни минуты. Пырнул бы ножом – и поминай, как звали. Или по голове. Как того, на улице... Странно, но эти мрачные мысли чуть успокоили её. Было страшно. Было очень жалко себя. Но от судьбы, видно, и вправду не уйдёшь. Надо уезжать. Как можно скорее.

Слёзы унялись. Даша наскоро утёрлась рукавом кофты, надвинула поглубже шляпку и выбежала через двор на Пошехонскую. Усталости и панической слабости как не бывало. Только бы скорей отделаться от этого гадкого поручения страшного незнакомца. Даша успела вскочить в уже отходящий трамвай на Сенной и через четверть часа уже шагала по Пробойной улице.

– К господину Погодину, в тринадцатый... – слабым, совсем детским голосом пролепетала она у стойки дежурной. Та подняла глаза от вязания, безразлично оглядела девушку и кивнула.

Тринадцатый номер был на первом этаже, в середине длинного темного коридора. Даша робко постучала.

– Открыто, – раздался громкий гулкий голос из глубины комнаты. – Входите!

Даша несмело толкнула дверь и переступила порожек. Перед ней стоял высокий сутуловатый человек лет сорока пяти с густой, каштановой, зачёсанной назад шевелюрой, давно не стриженной бородкой и такими же неухоженными, взъерошенными усами. Он, видимо, только что умылся, ворот белой рубашки был расстёгнут, лицо мокро блестело, на плече висело полотенце, а из крана умывальника жестяно капала вода.

– Здравствуйте. Слушаю вас, – миролюбиво проговорил постоялец, чуть склонив голову набок.

– Здравствуйте... Вы – господин Погодин Александр Алексеевич? – волнуясь, спросила Даша.

– Да. Чем могу служить? – на миг выпрямился он и тут же снова ссутулился. – Проходите. Присаживайтесь, – и придвинул ей скрипучий венский стул.

– Я к вам от Виктора Ивановича, – торопливо начала Даша, но запнулась, увидев, как нахмурились густые брови над выпуклыми карими глазами Погодина.

– Так-так. Дальше, – подбодрил он.

– Виктор Иванович велел кланяться вам. Он излечился от лёгкой простуды, которая так... его беспокоила. Теперь его здоровье вне опасности, – заученно, припоминая на ходу, протараторила Даша и облегчённо вздохнула.

– Гм... Излечился, значит? – Погодин задумчиво провёл ладонью по усам и бороде. – Ну-ну. Рад за него. Это всё?

– Всё. Я могу идти? – привстала Даша.

– Нет, барышня. Уж простите, чуть задержу. Чаю приказать?

– Нет-нет. Спасибо. Я спешу... – еле проговорила Даша, ожидая очередной неприятности.

– А каким же чудом вы познакомились? С Виктором Ивановичем? – с улыбкой спросил Погодин.

– Он не велел говорить. Извините. Не могу.

– Страшал? – смешливо прищурился Погодин. – Страшал, вижу. Зарёванная вы. Как вас звать-то?

– Дарья... Но я больше ничего не знаю! – почти выкрикнула она.

– Не волнуйтесь, Даша. Вижу, вы человек случайный. Но, надеюсь, Виктор Иванович всё вам доходчиво объяснил, и мне этого делать не придётся. И слава богу. Вот какое дело, Дашенька. По правилам вежливости я обязан ему ответить. И вам придётся передать ему мой ответ.

От одной мысли о новой встрече с чудовищным Виктором Ивановичем у Даши перевернулось всё в глазах.

– Нет! – отчаянно крикнула она. – Нет... – повторила, чуть успокоившись. – Как я найду его? Нет, я не смогу... Об этом мы не договаривались...

– Виктор Иванович предупреждал вас о возможных последствиях? – резко перебил Погодин. – Мне к этому добавить нечего. Вы уже не ребёнок, согласились сознательно, отдавая себе отчёт. Будьте сегодня в шесть вечера в сквере у Власьевской церкви. Виктор Иванович найдёт вас там. Скажете ему... Эй! Эй! Даша!

Это было последнее, что донеслось до бедной девушки. Очнулась она на кровати тринадцатого номера от резкого, режущего запаха нашатыря. Скинула с лица платок и увидела Погодина, который неспешно колдовал за столом над кожаной коробочкой походной аптечки.

– Очнулись? Слава богу, – одними глазами улыбнулся он. – Слабая вы, Даша. Недоедаете, наверно. Да что там, понимаю, – махнул он рукой, но вдруг нахмурился и построжал. – Тем не менее, освободить вас не могу. Так вот, Даша. Скажете Виктору Ивановичу, что родственники мои здоровы. Навещают иногда. Но скупердяи страшные. Привезли всего сорок пилюль сомнительного качества. Так что здоровье моё – не очень, но надеюсь на посылку из Калуги. Вот и всё.

– Вы тоже... болеете? – выдавила Даша.

Погодин неопределённо хмыкнул.

– У вас час в распоряжении. Подняться можете? Смелее. Вот так, – и, взяв её за руки, помог встать, чуть придерживая за плечи. Даша вздрогнула и отстранилась от его руки.

Ни жива ни мертва прошла Даша Знаменские ворота и оказалась у Власьевской церкви. Время ещё было, но бродить бесцельно не оставалось больше сил, и она в изнеможении опустилась на скамейку в сквере. Недалеко справа желтело огромное, с полукруглыми колоннами и в белых барельефах здание Волковского театра. Мимо него по мостовой лениво шаркали прохожие и неторопливо трусили извозчики. Позади Даши была трамвайная остановка, и лязгал подходящий вагон. Откуда и как появится этот жуткий человек? Эта мысль донимала и пугала Дашу всё сильнее. Очень не хотелось, чтобы он явился внезапно. Она испугается, начнёт теряться, забудет что-нибудь или перепутает... Да где же он наконец?! И, прикрыв глаза, девушка принялась твердить Погодинское сообщение. Боже, какая чушь! Сорок пилюль... Что это? Патроны? Или бомбы? Ох, нет, это можно сойти с ума. Даша-Дашенька, повезло ж тебе попасть в историю! Ужасно хотелось расплакаться. Но потом. После. Сейчас нельзя. Никак нельзя.

– Здравствуйте, барышня. Добрый вечерок, не правда ли? – раздался совсем рядом негромкий знакомый голос. Век бы его не слышать! Даша вздрогнула. Виктор Иванович сидел на скамейке рядом с ней. Всё тот же костюм-тройка. Та же шляпа на голове. Узкие поля над страшными, пронзительными глазами. Сидел он в вальяжной позе, откинувшись на спинку скамейки. Правая рука лежала поверх спинки недалеко от Дашиного плеча. Девушка хотела было обернуться к нему, но почувствовала на шее лёгкий, цепкий хват его холодных пальцев. И замерла, застыла в ужасе.

– Не надо оборачиваться, – с лёгкой улыбкой в голосе попросил Виктор Иванович. – И вообще, поменьше движений. Это опасно, – и тут же убрал руку.

– Я рад, – продолжил он, – видеть вас здесь. Слушаю вас внимательно.

– А... Да-да. Сейчас... – мучительно сглотнув, проговорила Даша, собралась с духом и задышающейся скороговоркой, судорожно сжав кулачки, выпалила ему сообщение Погодина.

– Ага. Вот как? – приподнял брови Виктор Петрович, терпеливо выслушав её. – Ну-ну. Да вы не волнуйтесь. И, простите, в горячке не успел спросить вашего имени...

– Дарья... Дарья Максимовна, – запнувшись, ответила девушка.

– Дарья Максимовна... Звучно. В другой момент поцеловал бы вашу ручку, да сейчас не до этикета. Что ж, Дашенька, благодарю вас. Для первого раза вы неплохо справились. Я вижу, что вы девушка серьёзная и смелая. Вас найдут, если понадобится.

Даша машинально кивнула.

– Сейчас вы выйдете на угол у Кокуевки, наймёте извозчика – и домой. Вот деньги. Не спорить, – железно отрезал он, заметив её слабый отстраняющий жест. —Кстати, Даша. Вам доводилось где-нибудь в церкви видеть над алтарём глаз Божий? Роспись такая, – пояснил Виктор Иванович, выжидательно глядя на Дашу.

– Глаз? – непонимающе прошептала девушка.

– Глаз, – кивнул Виктор Иванович. – Всевидящее око.

– Видела, кажется. Но при чём тут...

– Для наглядности, Даша. Помните, что жизнь ваша висит с этого дня на очень тонком волоске. И повсюду, где бы вы ни были, куда бы ни пошли, за вами наблюдает вот такое же око. Не Божье. Наше, человеческое. И тем хуже для вас. Вот и всё. Прощайте. И помните – не оглядываться!

Даша медленно поднялась и деревянно, негнушными ногами, побрела через Большую линию. Извозчик у Кокуевской гостиницы подвернулся быстро, там они не редкость. С сальной ухмылкой он пригласил её в пролётку. Даша не торговалась, и извозчик, многозначительно похмыкивая, довёз её до перекрёстка Пошехонской и Большой Рождественской. Дальше, до дома, она шла пешком. Ноги словно налились свинцом, спотыкались, цеплялись одна за другую. На глазах выступали и сохли слёзы, трясла дрожь, и мнился над самой головой страшный, пронзительный, холодно сверкающий глаз. Глаз смерти. Только дома железные, терзающие клещи чуть отпустили её, и Даша, бросившись на кровать, долго и слёзно ревела в подушку.

Пароход в Рыбинск уходил через день. Даша твёрдо решила ехать к матери. И вот сегодня утром она, выходя у пристаней из трамвая, к ужасу своему увидела, как к дебаркадеру, где уже стоял и дымил пароход, направляются двое мужчин. Это были – Даша узнала бы их из тысячи похожих – страшный Виктор Иванович и высокий, сутулый Погодин. Неторопливо и обстоятельно беседуя, они, судя по всему, готовились к посадке. Приостановились на мостках у самого дебаркадера, постояли. Скрылись.

У Даши потемнело в глазах. Ослабли и задрожали ноги. Она зашла за дерево у трамвайной остановки, и села на чемодан, низко пригнувшись. Сердце, скованное ледяным холодом, билось редко и лениво. Предобморочно. А если бы трамвай пришёл раньше, и она столкнулась бы с ними нос к носу?! А если бы ещё раньше? Тогда они встретились бы уже на пароходе, и об её участи можно было бы лишь горько догадываться.

Но Даша не заметила, как вышел с дебаркадера и исчез с набережной Погодин. Она думала, что он уплыл вместе со своим ужасным подельником. И до крика, до полуобморока перепугалась, увидев его за углом Пробойной, когда они с Антоном шли с набережной. Значит, Виктор Иванович уехал в Рыбинск один...

Нелегко далась Даше эта путаная, жутковатая, но очень правдоподобная история. Закончив рассказ, она долго сидела молча, уткнув лицо в ладони и низко опустив голову. Антон встал, подошёл и осторожно обнял её за плечи.

– Что делать теперь, Антон... Что делать? – жалобно, из-под страдальчески выгнутых тонких бровей взглянула на него девушка. – Я так измучилась... Две ночи не спала...

– Что? А оставайся у меня. Я тоже один сейчас. Отец в Москве. Здесь-то спокойнее тебе будет. Оставайся. Впрочем, как хочешь, но учти: я от тебя ни на шаг не отойду. Даже если прогонишь, – тихо и веско ответил Антон.

Но на душе скребли огромные, как тигры, кошки. «Будет что-то, Дашка... Ох, что же будет?» – в который раз простучало в висках и вспыхнули в памяти холодно-пронзительные, змеиные глаза. Начиналась в его жизни какая-то новая, загадочная, причудливая полоса. И с этим предстояло ещё свыкнуться.

Господин Погодин на платочном randevu

Тесный, тёмный, в пропылённых плюшевых портьерах холл убогой гостиницы на Пробойной улице озарился на миг настырным солнечным лучом из приоткрывшейся двери. И снова погрузился в сонные сумерки, будто и не было на улице яркого июльского дня.

– Вот и господин Погодин! – приветливо воскликнула скучающая дежурная, женщина лет сорока, кругленькая, в платочке. – Как там? Жарко? – и протянула ему из-за стойки ключ от номера.

– Да, припекает... – рассеянно улыбнулся в ответ Погодин, взял ключ и зашагал по длинному узкому и тёмному коридору. Войдя в номер, он тщательно запер дверь, проверил, надёжно ли, скинул пиджак, разогнул спину, расправил затёкшие плечи. Он уже свыкся со своей сутулостью. Но тяжело всё-таки воображать весь день, что таскаешь на плечах мешок с песком. Ничего. Ничего. Недолго осталось. А уж там – что выпадет...

Обстановка в его номере была спартанской. Аккуратно, по-военному, заправленная железная кровать. Старый педальный умывальник в углу у двери. Стол и два шатких венских стула у окна. Фанерный платяной шкаф. Вот и всё. Здесь он, по сути дела, только ночевал. Основная жизнь Александра Алексеевича протекала вне этой комнаты. Под низким ярославским небом, тут и там утыканным затейливыми шатровыми колокольнями. На площадях, в скверах, на набережных, в глухих малолюдных закоулках и тайных местах встреч с нужными людьми. Эта кропотливая, трудная, нудная и опасная работа подходила теперь к концу, сулящему или победу, или смерть. Он, Погодин, начал всё здесь почти с нуля. Он сколачивал воедино разрозненные группки местных офицеров, встречал и размещал приезжающих, насмерть бился за железную дисциплину и конспирацию. С превеликим трудом организовывал работу единого штаба. На это ушло полтора месяца каторжной работы, бессонных ночей, страшного нервного напряжения. И вот только сейчас, кажется, всё начало более-менее слаженно вертеться в нужном направлении. Приехавший на неделю, как генерал на смотр, Савинков внёс в дела резкое оживление, зарядил всех вокруг своим невиданным трескучим электричеством, и всё замелькало, закипело... Но он уехал. Теперь опять одному... И три дня до развязки. Это было нелегко, но вернулось спокойствие. Итак, через час ему, Погодину, надо быть в Ильинском сквере. Там предстоит довольно рутинное, но очень важное мероприятие. После него можно будет принимать самое главное решение. А пока можно передохнуть. Расслабиться. Подумать...

«Савинков, конечно, молодец... – неторопливо размышлял Александр Алексеевич, растянувшись во всю свою длину на кровати и глядя в жёлтый, закоптелый от курева потолок. – Но зачем он так напирает на поддержку Антанты? Неужто сам верит в эту чушь? Вряд ли...»

И силой воображения Погодина грязный потолок номера превратился в карту военных действий. Вот убитая муха. Это Ярославль. Чуть севернее пятно – это Вологда. А вон там – ещё дальше – Архангельск, до которого от Ярославля семьсот с лишним вёрст. По зажигательным речам Савинкова, союзники, высадившись в Архангельске, ударят на Вологду и Вятку. По расходящимся направлениям. Растопыренными пальцами, а никак не кулаком. И только потом дойдут до Ярославля. Это какой же численности и силы должен быть десант, чтобы преодолеть такое расстояние без опаски за тылы и фланги? Нет. Утопия...

А вот южнее, в среднем Поволжье, обстановка обнадёживает. Там с красными упорно дерутся и наступают чехи при поддержке отрядов Комитета Учредительного собрания. Комуча, по-новомодному. Если успеют взять Казань, то это уже зацепка, уже подспорье. Может, и удастся тогда навязать красной Москве полноценный Северный фронт.

И по воображаемой карте на потолке поползли, как на штабных учениях, толстые красные и синие стрелы, сшибаясь и перемешиваясь. Острый синий клин от Самары через Симбирск к Казани. Мощный красный редут на линии Муром—Арзамас—Казань. А чехи молодцы... Молодцы. Без них бы совсем кисло пришлось. А если удастся выступление в Муроме, то этот красный редут будет крепко подорван. А тогда... И в груди Погодина заиграл будоражащий холодок азарта. Но нет. Рано ещё. Рано...

Главное сейчас – Рыбинск. Вон он, рядом, вверх по Волге. Без его арсеналов, без хорошей артиллерии нечего делать ни здесь, ни в Костроме, ни в Муроме. Лишь бы не подвёл Савинков. Лишь бы... Лишь бы.

И Погодин устало прикрыл саднящие глаза воспалёнными веками. Ох, поспать бы! Целые бы сутки продрых, будь возможность. А перед выступлением-то выспаться и просто необходимо... Да где там! Только чуть устранись, как всё пойдёт вразнос. Ничего ещё толком не готово...

Решительным волевым усилием Погодин открыл глаза и резко, как по боевой тревоге, вскочил. Нашупал в кармане висевшего на стуле пиджака часы-«луковицу». Половина второго. Полчаса до randevu в Ильинском сквере. Пока дойдёт, пока осмотрится по дороге... В самый раз. Шляпу надеть не забыть. Так условлено. Да и голову напечь может. Жарко.

– Снова по делам, господин Погодин? – любезно проворковала из-за стойки дежурная в холле, принимая у него ключ.

– Да, служба, знаете ли... – вздохнул он, приподнял шляпу и бесцветно улыбнулся, мысленно посылая женщину ко всем чертям. Скрипнул дверью и неторопливо зашагал по улице.

Всегда спокойный, сдержанный, храбрый, но холодно-расчётливый, этот человек прошёл огромную, тяжкую школу двух войн. Блистательный офицер-артиллерист, он был железно дисциплинирован, непреклонно строг и в делах службы напоминал точную, математически отлаженную машину. Того же добивался и от подчинённых. Всё это очень пригодились ему здесь, в Ярославле, на самостоятельной конспиративной работе. Многому пришлось учиться. Но гибкий ум и природная смекалка по-прежнему выручали его. Приучив себя к сутулости, он будто забыл об офицерской выправке, и только в одиночестве позволял себе расправить спину. Ещё в Москве он научился проверяться на слежку и мастерски уходить от неё. Видеть полезную информацию во всём вокруг, внимательно прислушиваться к разговорам и чутко прозванивать любую ситуацию на возможную опасность. Здесь, в Ярославле, с его замедленной, ленивой жизнью работалось куда легче, чем во взвихрённой, взвинченной, взболтанной революцией Москве. И всё же следовало быть готовым ко всему в любую минуту. Сегодня утром что-то такое было. Мельком. Не опасное, но беспокоящее. Что же? Ах, да. Возвращаясь с пристани после многозначительного прощанья с Савинковым, он краем глаза увидел ту странную барышню, что приходила к нему в номер с сообщением от «Виктора Ивановича». С каким-то мальчишкой они шли от набережной по Казанской улице. Эта девчонка нехоти оказалась свидетельницей устранения Климентьева, по их догадкам, чекиста. Всё, казалось бы, предусмотрел дока Савинков, даже способ подсказал. Свой, «коронный», изящный и почти романтический. Ударить жертву аккуратно завернутым в газету обрезком трубы и увезти на ожидающем за углом извозчике. И всё, вроде бы, прошло гладко, да вот надо ж было этой дурёхе оказаться в этот момент на улице и всё увидеть! Может, и правильнее было бы избавиться от неё, но, раз этого не сделал Савинков, то уж он-то, Погодин, с девчонками воевать не станет. Нет, она безопасна. Хотя и не из робкого десятка. Не из робкого... Вот парень только этот... Кто он ей? Да мало ли... И не похож на шпика. Слишком юн.

Выйдя на залитую солнечным зноем Ильинскую площадь, он задумчиво обошёл храм Ильи Пророка, полюбовавшись на его гордо вознесённые купола и два высоких шатра –

колокольню и башню Ризоположенского придела. Как два былинных стража в белых одеждах, они стерегли главный вход. Ярославль завораживал поначалу своими архитектурными выдумками: почти на каждом перекрёстке в центре города встречались разновеликие, разнообразильные, но удивительно чётко вписанные в неброский городской пейзаж церкви. Погодин любовался ими, наслаждался их цветистыми названиями: Спас-На-Городу, Никола-Мокрый, Никола-Рубленый город... Но теперь всё как-то потухло, обесцветилось. Все эти красоты превратились для Погодина в обыденные ориентиры. Погодин свернул в тенистый Губернаторский переулок, вышел на Волжскую набережную, прошагал мимо длинного трёхэтажного здания Демидовского лицея до Стрелки и свернул на Соборную площадь. Здесь царствовал некогда величавый, а ныне изрядно пооблупившийся, с потускневшим золотом куполов, пятиглавый Успенский собор, главный храм города. Пройдя между ним и несоразмерно огромной, слоноподобной колокольней, Погодин оказался в Ильинском сквере. Минував Демидовский столб, он устало опустился на скамейку. И целый час просидел в безделье, вычерчивая сломанным прутиком на песке крестики и нолики. Не поворачивая головы, скашивая глаза, он то и дело поглядывал на аллею и памятник. Мимо столба нет-нет да проходили люди. Кто-то спешил, кто-то празднично прогуливался, иные присаживались на скамейки и отдыхали. Жарко... Вот один мужчина – коренастый, краснолицый – достал носовой платок и вытер лоб. Через некоторое – короткое – время другой, высокий и худощавый, прошёл и завернул за столб. Из кармана брюк у него неряшливо свисал платок. У третьего, мастерового, засаленный платок выпал из рукава. Тот охнул, громыхнул инструментами в ящике, нагнулся и поднял его. Четвёртый, в сюртуке, похожий на гимназического учителя, достал платок из внутреннего кармана и принялся обмахиваться, тяжело дыша от палящего зноя. Вот встретились два приятеля-путейца в форменных тужурках. Один дал другому прикурить и вынул при этом – вероятно, по неловкости – вместе с коробком спичек большой белый носовой платок. А другой, затаившись, вдруг закашлялся, чихнул и долго потом вытирал глаза и нос своим платком. Издалека видным. Цветастым.

Все выглядели вполне обыденно – служащие, рабочие, студенты, мастеровые. Погодин с удовлетворением заметил, что его долгая, упорная и яростная борьба за дисциплину наконец-то дала плоды. Они не бродили у столба толпами, размахивая платками. Каждый появлялся будто невзначай, в свою очередь. Не было ни бриджей, ни галифе, ни френчей. Ничего военного. И не было ненавистных приклеенных бород и усов, на которые столько гнева обрушено было в Москве. Только у некоторых из проходящих Погодин заметил характерное – у бедра – скованное положение левой руки. Многолетняя привычка кавалериста придерживать шашку при ходьбе. Но на это нужен особый, тренированный глаз, а здесь всё-таки не Москва с её обилием хитромудрых чекистов.

Беспокоило другое. Людей было слишком мало. Погодин насчитал шестьдесят три человека. Только шестьдесят три! И это за три дня до решающих событий!

В нелёгком раздумье он поглядел на часы, поднялся и медленно пошёл по аллее в сторону Ильинской площади. Загляделся на стайку голубей и нечаянно столкнулся с пожилым мужчиной в толстовке и пенсне, с седой козлиной бородкой. Охнул, извинился, учтиво приподняв шляпу.

– Шестьдесят пять, – невнятно прошептал тот ему в спину.

Так. Значит, он почти не обсчитался. Даже со скидкой на возможные ошибки в среднем получалось именно шестьдесят три. И это только приезжие. А с учётом здешних наберётся восемьдесят с лишним боеспособных. Может, и меньше. Здесь у многих семьи, дома... Да и одно дело – палить из револьвера или винтовки в чужом городе, а совсем другое – на родных улицах, среди земляков. Это не каждому под силу. Но если даже и так... Мало? Да, мало. Для гарантированного успеха нужно человек сто пятьдесят-двести. Но это уже фантастика. Хотя почему? – размышлял на ходу Погодин. – Сроки не вышли, возможно, подтя-

нется ещё несколько десятков. А если нет? Ну и что ж, восемьдесят-девяносто хорошо организованных и вооружённых людей при внезапном выступлении – тоже очень серьёзная сила. К тому же почти все – офицеры, у большинства за плечами боевой опыт недавней войны. Связь! Связь. Вот с чем плохо здесь. Уже подготовлены специальные вестовые, разработаны условные сигналы, но нужной слаженности так и нет. Любая случайность может провалить дело или же осложнить его до крайности. А это – жизни. Драгоценные жизни далеко не худших людей России. Как и Погодин, они выброшены, унижены, оплёваны незванными красными пришельцами. Обречены на крошечное существование в полулегальных условиях. И вовсе не собираются с этим мириться.

Да и не может быть речи ни о каком мире с этим озверелым, одуревшим от власти косноязычным быдлом. Перевернули всё вверх дном, разорили, разрушили, сдали страну немцам, наплевав на три с лишним года изнурительной кровавой бойни. Горланят бессвязные речи о свободе, равенстве и братстве, а сами чуть что – за маузер. И заправляют всей этой вакханалией хитрейшие лицемеры и интриганы. Им и Россия – не родина, и Бога нет. А значит, можно глумиться, злобствовать, крушить, убивать и предавать без всякой опаски. Они были чужды, ненавистны, а главное, непонятны Погодину. Откуда они взялись? Каким вихрем занесло в Россию эту страшную бациллу? Как мог здоровый и богобоязненный в основе своей русский народ так пошатнуться рассудком? Что за наваждение, что за напасть трясёт Россию и никак не желает уgomониться?

Погодин чувствовал какую-то натяжку, логический провал, не осознанное толком противоречие в этом строе мыслей, но в анализ не вдавался. Ненавидеть и презирать этих чужаков было гораздо проще. Да и миссия, которую он на себя взвалил, предполагала движущей силой и залогом успеха именно ненависть. Они – другие, они – не люди, они – пришельцы. Он давно уже загнал себя в узкую, но глубокую и покатуую колею гражданской войны и не мог теперь ни сдать назад, ни свернуть, ни остановиться. Это напрочь отсекало любые переживания по поводу происходящего. Но временами угнетала сосущая, тянущая пустота в душе от предчувствия неминуемой катастрофы. Погодин гнал её, пытался рассеяться, отвлечься. Убеждал себя – и не без успеха, – что сейчас, когда на карту поставлено будущее России, оправданы любые жертвы. Но главной прорехой во всём этом было то, что он не видел для России будущего. Никакого. К старому – он понимал – вернуться уже невозможно, а новое было слишком уродливо и отвратительно. С ним-то, новым, и боролся Погодин. Полковник Перхуров Александр Петрович.

Лобовой удар полковника Перхурова

Белых ночей в Ярославле нет. А вот поздние летние вечера очень светлы. Темнеет в начале июля лишь за полночь. Благодатное время! Спадает жара, на улицы и набережные выходят с мечтательными улыбками горожане, чинно прогуливаются парами и поодиночке. Дышат ароматами цветения и свежим ветерком с Волги и Которосли.

И прозрачно, и призрачно всё в городе в эти часы. Вползает на улицы и площади с берегов молочная дымка. Оживают старинные ярославские храмы. Расправляют плечи, поднимают головы куполов, заботливо оглядывают город с высоты своих колоколен.

Всё тихо. Слышны лишь негромкие голоса и отдалённый перестук копыт и колёс по мостовым. В окнах уже теплятся тёмно-жёлтые огни свечей и керосиновых ламп. Горят на набережных калильные фонари, а в городе, над перекрёстками главных улиц, сияют огромные электрические колбы.

Далеко слышно в эти вечера. Доносятся из-за Которосли, с вокзала, бодрые паровозные свистки. С Волги, из-за Коровников, наплывает тягучий, густой, сочный паровой гудок. Речники здороваются с городом. Он издали виден, белый и нарядный, будто праздничный торт с множеством свечей-колоколен. Улицы его на удивление чисты, а люди спокойны и доброжелательны. Выйдешь вечером – и не захочешь уходить до самой темноты.

Но так было раньше. До войны. До революции. Теперь всё не так. Город как вымирает к первым сумеркам, и некому любоваться пронзительными летними вечерами. Упадок и запустение в Ярославле. Безработица и нищета. По улицам и днём-то ходить небезопасно: отчаянные люди промышляют разбоем. Понаехало в город беженцев и переселенцев. И жалко их, и не знаешь, чего от них ждать.

Полковник Перхуров не опасался бандитского нападения. Револьвер за поясом, под пиджаком, давал ему, отличному стрелку, стократное преимущество над любыми, даже вооружёнными, злоумышленниками. Шёл он несуетливо, размеренно и будто бы не спешил. Но длинные ноги делали широкие, размашистые шаги, и двигался он быстро и уверенно. Надоевшая маска сутулого и апатичного Погодина была сброшена. Медлить более нельзя. В два часа ночи – выступление. Перхуров был по-армейски прям, свеж, спокоен и хладнокровен. Высокий, худой и узкоплечий, он не производил впечатления физической мощи, но в облике его и походке было что-то непреклонное и суровое.

Но на душе было пасмурно и беспокойно. Уверенность в успехе сильно пошатнулась ещё прошлой ночью. Всё было подготовлено и назначено для выступления. Весь вчерашний день сновали по городу тайные вестовые. Но сорвалось. Людей собралось слишком мало, не пришло и половины. Запропал куда-то и поручик Супонин со своими броневидами. Тут же вспомнились разведдонесения о двух эшелонах, что стоят неподалёку от Всполья, на Рыбинско-Вологодской развилке, и ожидают выгрузки. Напороться в таком несобранном состоянии на превосходящую силу – значило погубить и дело, и людей. После долгих, мучительных – до рассвета – колебаний и потерянных нервов решено было выступление отменить.

Наступивший день неожиданно обманул самые скверные предчувствия. Никакого переполоха и беспокойства властей не наблюдалось. Пройдя по явкам, Перхуров убедился, что никто не арестован, связь работает, и его соратники снова готовы действовать. Получил и свежие донесения разведчиков. Эшелоны у Всполья по-прежнему не разгружены, красноармейцы бесцельно слоняются у вагонов. Не хотелось верить, чудился подвох, но выходило так, что красные их попросту проворонили. Перхуров знал, что Советская власть в городе ленива и нерасторопна. Вся милицейская верхушка была у него в кармане и ждала только сигнала к выступлению. Ярославская чрезвычайка состояла в основном из неучей и дилетан-

тов. Довольно многочисленный коммунистический отряд при умелой организации мог бы составить грозную силу, но и в нём царила расхлябанность и праздное благодушие.

Обстановка позволяла всерьёз надеяться на успех, и Перхуров приказал выступать будущей ночью. Несмотря ни на что. Тянуть дальше было бы непростительно: кто знает, как всё повернётся завтра. Были опасения, что всё это – лишь хитроумная ловушка. Но, по здравом рассуждении, они были отмечены.

И всё же беспокойно было Перхурову. Не по себе. Привыкший в армии и на войне к строгому и точному расчёту действий, к дотошному учёту сил, возможностей и последствий, сегодня он вынужден был действовать авантюрно, во многом наобум, наудачу. Этому противилась вся его сущность грамотного боевого офицера. А ещё зудил и досаждал сломанный днём в столовой нижний коренной зуб. Это была мелочь, но она нервировала и раздражала. Словно маленький нудный буравчик свербил в сердце и за щекой, заставлял прислушиваться к себе и то и дело недовольно морщиться.

На пустыре у Леонтьевского кладбища была мёртвая тишь и мутные, еле проглядные сумерки. Слева, за густым кустарником и дренажной канавой, белели кресты и надгробья. Впереди, метрах в двухстах, темнел глухой высокий деревянный забор с колючей проволокой поверху. Это был артсклад, первый объект нападения. Со станции к нему вела однокольная ветка. К двум часам ночи путейские рабочие со Всполья подадут к складу два вагона под оружие и боеприпасы. Один вагон пойдёт за Которосль, а другой – за Волгу, чтобы вооружить тамошних повстанцев. А отряд, который собирается сейчас на пустыре, довооружится на складе и под общим командованием Перхурова тремя группами пойдёт занимать центр Ярославля. Место сбора и начала боевых действий – Перхуров понимал – было крайне невыгодно в оперативном смысле. До центра – более версты по населённым и густо застроенным улицам. Это очень опасно. Грамотно навязанный уличный бой может обескровить Перхурова. Но выбирать не приходилось. Завладеть артскладом было жизненно важно. И только потом, в зависимости от этого – всё остальное. Но если прошлой ночью на складе дежурил «свой» караул, и успех был обеспечен без единого выстрела, то теперь там другие люди. И неизвестно, чем это закончится. Большого боя ждать, конечно, нечего, но короткой перестрелки, скорее всего, не миновать. А у Перхурова каждый человек на счету. Только бы Супонин опять не подгадил с броневидами!

Полковник оглянулся. Позади, в сумерках, мелькнули и исчезли две тёмные фигуры. Это свои. Два офицера всю дорогу шли вслед за ним, подстраховывали на всякий случай. Обошлось. Ну, что же... Пора! И Перхуров коротко и негромко свистнул. Ответом был такой же тихий свист со стороны канавы. Александр Петрович резко свернул и сбежал вниз по травянистому склону. Роса ещё не выпала, и трава была сухая.

Тут и там на склоне канавы сидели, лежали, стояли люди. Их было много, только в поле зрения Перхурова оказалось несколько десятков человек. Он мысленно подивился их организованности: ни шума, ни движения там, наверху, он не заметил. Вчера было гораздо хуже: несколько человек неприкаянно бродили по пустырю. Яростный выговор, сделанный Перхуровым днём при разборе ошибок, кажется, возымел неплохое действие.

– Здесь девяносто человек, господин полковник, – доложил возникший из сумерек полковник Петров, начальник штаба. – Высланы дозоры на станцию, к складу, в сторону города. Ожидаем их возвращения и доклада.

– Так-так. Что с оружием? – быстро, сквозь зубы, спросил Перхуров.

– Революеры и пистолеты. Сегодня у всех. Невооружённых нет, – спокойно отвечивал Петров.

– Винтовки?

– Винтовок нет, Александр Петрович. Решено было отказаться из-за сложностей с доставкой. Нести их с собой невыносимо, нужна подвода. А это дополнительное время,

лишние глаза и уши, ненужный риск, – скороговоркой ответил Петров. Перхуров неопределённо кивнул.

– Разумно... Разумно, – проговорил он и поморщился. Сломанный зуб больно царапнул язык, а в душе тоскливо и тошно закололо. Много ли навоюешь с этими карманными пукалками! Зато разумно. У Петрова всё разумно. И сам он умник-разумник... Толковый, распорядительный, на зубок знающий военное дело штабист. Аккуратный. Настойчивый. Сдержанный. Похож на дотошного профессора. Невысокий, плотный, седоватый и в очках.

– Благодарю вас, Николай Иванович. Продолжайте наблюдать за обстановкой. По возвращении разведки немедленно доложите.

Петров козырнул и растворился в сумерках. Перхуров, не желая без нужды полошнить и будоражить собравшихся, примостился под чахлой берёзкой. Трава была уже влажной, но за одежду полковник не беспокоился: нынче наверняка придётся и падать, и ползти, и перекатываться... Да и вообще, стоит ли думать о такой чепухе, когда, быть может, эти тихие минуты последние в его жизни... Впрочем, а о чём думать в такие минуты? Лучше всего как раз о чепухе. Безопаснее и для себя, и для дела.

Долго ждать не пришлось. Замелькали в сумерках неясные фигуры, и пред лицо Перхурова явились начальник штаба Петров и начальник разведки подполковник Томашевский. Александр Петрович вскочил и одёрнул пиджак.

– Вернулись дозоры, господин полковник, – тихо доложил Петров.

– Переданные мне разведдонесения, – важно и округло начал Томашевский, – сообщают, что засад, дозоров и разъездов в районе станции Всполье, Леонтьевского кладбища, артскладов и жилого предместья не обнаружено... – стоя на склоне и еле удерживая равновесие, он со своей подчёркнуто-официальной речью был и так весьма комичен, а тут ещё неловко оступился, широко и резко взмахнул руками и чуть не упал. Очки Петрова смешливо сверкнули. Перхуров сдержанно кашлянул.

– Виноват, господа. Итак. В районе Всполья и предместья передвижения войск и прочей военной активности не обнаружено. Однако сама станция, вокзал, пути и подходы к ним находятся под усиленной охраной.

«Ч-чёрт!» – будто молния прожгла мозг Перхурова, и сами собой сжались кулаки. Это значит, что вагоны к складу поданы не будут. Со всеми вытекающими последствиями. Недостаток оружия компенсировать нечем. Нечем! Как и пролитую кровь. Как и потерянные жизни. Но ничего не поделаешь.

– Что с эшелонами? – глухо спросил он.

– Начали выгружаться. Но вяло и медленно. Сил там – около полка, но в ближайшие часы от них ждать нечего.

– Как в городе?

– В городе тихо. Признаков беспокойства властей и никаких чрезвычайных мер не обнаружено. Отряд поддержки под командованием генерала Верёвкина в настоящее время выдвигается на условленные посты у советских учреждений, почтамта, телеграфа, банка, телефонной станции, электростанции и водокачки, – Томашевский называл объекты медленно и солидно, будто стоял у карты города и водил по ней указкой. – По пути следования наших ударных групп выставлены посты оповещения.

– Хорошо. Какова обстановка вокруг артскладов?

– Склады, господин полковник, охраняются плотно, – покачал головой Томашевский, а Петров загадочно усмехнулся чему-то. – Восемь человек по внешнему периметру, двое у главных ворот. Внутри караул у каждого помещения и по периметру. У всех винтовки. Собак нет.

– Сколько всего человек?

– Не более двадцати, господин полковник.

– Благодарю, Андрей Игнатьевич. Через десять минут – общее построение на пустыре. На дорогу – в оба конца – два дозора, чтобы никто не прошёл. Распорядитесь, Николай Иванович.

– Слушаюсь. Да, тут вот ещё что, господин полковник. Двое наших людей, Конаков и Саутин, оказывается, приятели с начальником нынешнего караула. Они вызвались разведать обстановку и наладить контакт, если получится...

– И что же? – с лёгким нетерпением спросил Перхуров. Это уже была чрезмерная самодеятельность, которой он не любил.

– Получилось, господин полковник. Их пустили на территорию. Разведчики слышали голоса, смех. Всё может сложиться лучше, чем мы предполагаем, Александр Петрович.

– Люди надёжные? – впился глазами Перхуров в широкое, лобастое лицо Петрова.

– Вполне, – поправил он очки.

– Хотелось бы разделить ваш оптимизм, Николай Иванович, но это очень рискованно, – с еле заметным раздражением выговорил Перхуров.

Томашевский с укором поглядел на Петрова. Тот еле видно пожал плечами. Оба козырнули и исчезли во тьме.

Девяносто два человека – три взвода – построены были в три шеренги на пустыре у края канавы под прикрытием деревьев и кустов. По стойке «смирно», в штатских пиджаках, сюртуках, тёмных косоворотках и толстовках стояли перед полковником эти люди. В большинстве фигур угадывалась многолетняя офицерская выправка. Было и с полтора десятка гражданских, но сейчас между ними не было никакой разницы. Все были строги, подтянуты, устремлены. Кончились нудные дни долгой, изматывающей подготовки – и вот оно, выступление. Эти люди знали, на что шли, и вовсе не нуждались в цветистых напутствиях и ободрениях. Перхуров негромко поблагодарил их за верность долгу, напомнил ближайшие задачи, прошёл вдоль строя, оглядывая своих соратников. Это, конечно, была чистейшая формальность, но пренебречь ею Перхуров не мог. Так надо. Так принято в армии. Особенно на войне.

Полковник отдал необходимые распоряжения, и разбитый уже на взводы отряд снова укрылся в канаве. Было строго приказано не разбредаться. Зудливый буравчик в душе, кажется, успокоился. Да и что тут колебаться, есть план – надо действовать.

– Задача первая, господа, – обратился он к собравшимся вокруг старшим офицерам и взводным. – Снять внешний караул. Выполняет взвод поручика Нахабцева. По выполнении взять внешний периметр объекта под свою охрану. И немедленно – вестовым – доложить. Задача ясна, поручик? Вам двадцать минут. Выполнять.

– Слушаюсь, – вполголоса отчеканил Нахабцев, резко повернулся, отпечатал три шага и прыжком скрылся в темноте.

Во тьме началось движение, колыхание, слышались отрывистые команды. И через пять минут двадцать человек гуськом, как по ниточке, сбежали со склона и ушли в сторону артскладов. До Перхурова донеслись лишь мягкие шаги по густой траве. Он вздохнул. Пока всё складывалось почти по плану. Где Супонин? Куда опять пропал этот чёртов бронекороль? Ему вчера дана была крепкая накачка от Перхурова, и внезапностей быть не должно. Без прикрытия броневиков и их пулемётов в случае большого боя будет очень туго. Но ждать некогда.

– Вторая задача – по прибытии вестового от Нахабцева двумя цепями атаковать и захватить артсклады. Капитан Скраббе! Поручик Толкачёв! Ваши взводы остаются в укрытии и ожидают команды к началу атаки, – чётко и жёстко проговорил Перхуров. – Получив команду, выдвигаетесь на пустырь, рассыпаетесь в две цепи и двигаетесь к воротам артскладов. Соблюдать полную тишину и скрытность. Стрелять только при крайней необходимости. Как поняли, господа офицеры?

– Так точно, приказ понятен, – с лёгким акцентом ответил латыш Скраббе и, будто эхо, повторил приказ Перхурова.

– Выполняйте, – махнул рукой полковник, не дожидаясь ответа Толкачёва.

Вот и всё. Теперь только ждать. Недолго вроде бы – чуть больше пятнадцати минут. Но эти-то минуты ожидания перед решающим броском и есть самые тягостные. Скорее бы уж в атаку! Но где, где же проклятый Супонин?!

Раздались торопливые шаги, и к Перхурову выскочил вспотевший, раскрасневшийся связной из штатских, в толстовке и пенсне.

– Господин полковник, – с одышкой стал докладывать он. – Ваш приказ выполнен. Караул снят.

Перхуров аж вздрогнул.

– Так... – недоверчиво качнул головой он. – Вы ничего не путаете? Так быстро? И без единого выстрела?

– Истинно так, господин полковник. Поручик разделил нас на группы, мы с разных сторон на них и выскочили. Они взъершились поначалу, думали – испугаемся, да не тут-то было. Поняли, что дело их – дрянь и сдали винтовки. Мы, говорят, только за паёк служим, а так – плевать хотели и на красных, и на их революцию, а драться за них – пусть дураков ищут. Так и сказали. Разрешите возвращаться, господин полковник? – поправив пальцем пенсне, спросил связной.

– Благодарю вас. Возвращайтесь. Скраббе! Толкачёв! Командуйте. Атакуем!

– Первый взвод! В направлении артскладов, к главным воротам, цепью в атаку! Вперёд! – приглушенно, но слышно крикнул капитан Скраббе.

– Я с ними, – сказал Перхуров штабным. – Вы – во второй цепи, со вторым взводом. До встречи! – и выскочил из канавы.

Вслед уже неслась команда Толкачёва второму взводу, а вокруг топотали сапоги и ботинки, слышалось возбуждённое дыхание. С револьверами и пистолетами наизготовку люди на бегу перестраивались в цепь.

– Интервал – десять шагов! – командовал Скраббе. – Молча – вперёд!

Цепь растянулась через весь пустырь и приближалась к высокому складскому забору. До него оставалось метров сто. Перхуров бежал рядом со Скраббе, сжимая револьвер. «Только б огонь не открыли... Только б не огонь! Если пулемёт, то крышка...», – билось в голове вместе с пульсом.

Следом, метрах в пятидесяти, двигалась уже цепь второго взвода. Расстояние до забора и ворот стремительно сокращалось. И вот они, ворота.

– Взвод, стой! Ложись! – скомандовал Скраббе, и бойцы бросились на траву. Тут же залегла и вторая цепь.

Перхуров проверил револьвер, нащупал в карманах гранаты.

– Опасно, господин полковник, – сквозь зубы, пробормотал Скраббе. – Разрешите мне?

– Не разрешаю. Ещё успеете. Сейчас – только я, – и Перхуров весело подмигнул капитану. Тот усмехнулся и критически покачал головой. Уже вслед.

Всего-то шагов десять по ровной земле, а показалось, как по канату. У самых ворот – массивных, металлических, с недавно намалёванной красной звездой, он чуть перевёл дух и, собравшись с силами, громко постучал в них рукояткой револьвера.

– Эй, хозяева! – зычно крикнул Перхуров, заблаговременно прокашлявшись. Голос мог подвести, это было бы сейчас некстати. – Открывай!

После веской паузы за воротами послышалась возня и хриплый, как спросонья, голос:

– Чего надо? Кто такой?

– К начальнику караула. Спецдонесение! – металлическим, командным голосом выговорил полковник.

– Пароль? Порядка не знаешь?

– Начальника караула сюда! Быстро! И пошевеливайся там. Мне приказано говорить только с ним.

Забормотали недовольные голоса. «Ну! Выйдите же, черти! Только выйдите...» – просительно прошептал полковник. Загремел засов, в воротах наружу распахнулась калитка, и двое молодых парней с винтовками за плечами показались в ней. Один вышел, другой только высунулся. Перхуров успел спрятать револьвер.

– Здорово, ребята, – улыбнулся он. – Что ж вы своих не узнаете? Только с вами-то мне не с руки беседовать. Мне начальника, – и, широко размахнув руками, схватился за край калитки.

Скраббе поднял цепь. С десятков крепких мужчин в штатском подскочили, сбили с ног ошалелых охранников, зажали рты, разоружили. Ворвались в ворота, опрокинули без единого выстрела ещё двоих. Сопrotивлялись они только для вида. В маленьком окошке похожего на курятник караульного помещения горел свет. Перхуров и Скраббе рванулись туда. Распахнулась и хрястнула об стену вышибленная пинком дверь.

– Руки вверх, не двигаться! – рявкнул Скраббе.

Четыре человека за столом вздрогнули, переглянулись и, глядя на наставленные стволы револьверов, медленно подняли руки. Это были начальник караула, полный, мордастый дядька лет пятидесяти, в неуклюже сидящей гимнастёрке, его помощник в мешковатой полевой форме и два перхуровца, Саутин и Конаков. Они не сдерживали улыбок.

– Что... Что такое? Кто вы такие? – взволнованно выдавил начальник.

– Да мы ж вам битый час толкуем, Михал Михалыч, – рассмеялся Конаков. – Свои!

– Во как... – всхрипнул Михал Михалыч, с усилием расстегнул воротник и откинулся на спинку стула. – Быстрые, черти... Быстрые...

– Полковник Перхуров. Северная Добровольческая армия, – с полупоклоном представился Перхуров. – Плохо несёте службу, Михал Михалыч. Значит так. Времени мало. Внешний караул снят, склады оцеплены. У меня сто человек под ружьём и два броневики с пулемётами. Будем воевать?

Через полчаса караулы были сняты. Врезались с лязгом ключи в замки, разбирались из пирамид винтовки, выносились ящики с патронами и пулемётными лентами. Выкатывались по дощатым сходням ухоженные, промасленные, блестящие пулемёты. У бойцов вспыхивали и горели глаза, как у кладоискателей, дорвавшихся наконец до вожаделенных сокровищ. И эти сокровища, казалось, рады были умелым рукам новых владельцев. Обрадовали и четыре исправных, свежотремонтированных уайтовских грузовика с достаточным запасом бензина. Чуть поартачившись, они завелись и бодро затарахтели, постреливая ядовитым дымком. Пулемёты и винтовки кучей грузились на них – всё после, некогда сейчас разбираться. Перхуров и Скраббе в этой суе держались начеку, следили за порядком и то и дело выходили за ворота проверять караулы. Всё было спокойно. Вот только проклятый Супонин с бронедивизионом как сквозь землю провалился. Перхуров начинал всерьёз злиться.

А под навесами стояли стройные ряды полевых трёхдюймовок. Уже на передках – запрягай и вези. Но не было лошадей. Капитан Ширин со своими артиллеристами ушёл на поиски, но на многое рассчитывать было нельзя. Жаль. Очень жаль. Артиллерия не нужна сейчас, при захвате города, но если придётся обороняться? Выдерживать осаду? Тут мало будет винтовок и пулемётов.

На небольшом, плотно утрамбованном плацу был построен весь прежний караул складов. Одеты люди были пёстро: гражданская одежда мешалась с полевой формой, в фигурах проглядывала штатская расхлябанность. Но никто из них не был ни испуган, ни подавлен. Они глядели на Перхурова как на фокусника в цирке, ожидая, чем таким удивит он их, измученных рутиной, бестолковщиной и скукой.

– Бойцы! – обратился к ним Перхуров. – Ярославский отряд Северной Добровольческой армии выступил сегодня против Советской власти в городе. Командовать отрядом приказано мне, полковнику Перхурову. Советы показали полную неспособность наладить нормальную жизнь. Мы, патриоты России, с этого момента берём всю ответственность на себя. Приказывать вам я не имею права. Тем не менее, всех, кому не безразлична судьба города и страны, приглашаю в наши ряды. Гарантирую личное оружие, обмундирование, паёк и денежное довольствие. У меня всё. Решайтесь. Слово за вами.

Разумеется, никаких надежд на этих людей он не возлагал. Предали один раз, предадут и второй. Да и не собирался Перхуров брать их с собой на штурм города. Толку всё равно никакого, одна обуза. Но надо было их чем-то воодушевить и внутренне обезоружить. Озлобленная толпа за спиной была сейчас совсем некстати.

– Нечего тут слова говорить, полковник, – пробурчал бывший начальник караула. – Нам ничего больше не остаётся. Мы с вами.

В строю переглядывались, пожимали плечами, но никто не протестовал. Перхурову и не надо было большего.

– Считаю это вашим общим мнением. Благодарю, – коротко и жёстко проговорил он. – Всем вольно. Прошу оставаться здесь до моего распоряжения. Наблюдать, – приказал он капитану Скраббе, повернулся и пошёл к воротам. На склад уже входили артиллеристы с лошадьми. Немолодые, крепкие, спокойные рабочие кони смиренно шли, ведомые под уздцы бойцами-артиллеристами. Их было восемь. Всего восемь. Два орудия и два зарядных ящика к ним. По паре на каждую повозку. Но и это лучше, чем ничего.

Артиллеристы споро, без суеты, но быстро амуничили лошадей и запрягали в повозки. Кони фыркали, хрустко жевали губами, подёргивали боками и со смиренной деловитостью становились в упряжки, лениво переступая на месте.

Перхуров назначил выступать в четыре часа. В это время ещё темно, но рассвет уже брезжит. Кроме того, это самая глухая, сонная часть ночи, когда задрёмывают даже те, кто обязан бодрствовать по службе. Противника надо было усыпить. Но Перхуров нервничал.

– Где Супонин... Где Супонин... – зудливо, сквозь зубы, цедил он в компании штабных. – Поверили, а зря. Вот встретят они нас броневидами, хороши мы будем! – и сжимались кулаки. – Скользко всё. Ну-с, господа. Ваше слово. Идём брать Ярославль или уходим в Рыбинск на помощь Савинкову? Без Супонина мы очень слабы. Не скрою, я в раздвоении.

– Вы сгущаете, Александр Петрович, – покачал головой Петров. – Нет у них в городе ни силы такой, ни командиров толковых. Ярославль важнее. Да и вот он, а до Рыбинска далеко. Чёрт знает, что там в пути ещё будет. Так что – Ярославль, господин полковник.

– Ярославль, – подтвердил, кивнув, разведчик Томашевский.

– Ярославль, – отозвался, будто между делом, проходящий мимо Скраббе.

– Брать Ярославль, господин полковник, – через несколько минут ответили Перхурову артиллеристы, уже готовые к выступлению.

– В Ярославль, – чётко и дружно раздалось у пулемётных складов, где грузились автомобили.

– В Ярославль... В Ярославль... В Ярославль... – отвечали Перхурову бойцы на коротком общем построении.

Боевой приказ, объявленный Перхуровым, предусматривал следующее. Отряд делился на три группы. Первая во главе с поручиком Нахабцевым движется Северо-Западной окраиной города, мимо Новой Слободки, Земской больницы, ипподрома и входит в город по Ильинской улице, захватывая по дороге советские учреждения и жизненно важные объекты: водокачку, электростанцию, Государственный банк. Вторая группа под командованием капитана Скраббе выходит на левый берег Которосли, проникает в город, берёт под контроль

почтамт, телефонный узел, Американский мост, Вознесенские казармы и занимает под штаб гимназию Корсунской на Богоявленской площади.

Третья группа под руководством Перхурова входит в центр города по Власьевской улице через Знаменские ворота. Это резерв со штабом и артиллерийским обозом. Все действия будут поддержаны уже находящейся в городе группой генерала Верёвкина. Точка встречи и получения дальнейших приказов – Ильинская площадь.

На артскладах остаётся весь прежний караул и десять человек из отряда. Это на случай, если придётся немедленно прикрывать выходящие в город группы. Атаки красных от Всполья следует ожидать в любую минуту. Важно удержать их первое время, пока Перхуров управится в городе. И здесь уж как Бог рассудит. Жаль будет, если погибнут.

Грузовики с оружием и боеприпасами следуют к Власьевской площади объездным путём через Большую Даниловскую. Там встают в переулках и ждут сигнала. По первой ракете они въезжают в центр, на Ильинскую площадь. Все распоряжения даны будут там.

Первой двинулась группа капитана Скраббе. Им предстоял самый длинный путь – около трёх вёрст. Особое беспокойство вызывал участок от складов до берега Которосли, параллельный железной дороге. Там всё было разведано и казалось безопасным, однако обстановка могла перемениться в любую минуту. Тридцать человек с винтовками бесшумно выскользнули за ворота и растворились в начинающей уже редеть темноте. Так же неслышно исчезла группа Нахабцева. Через десять минут после их ухода со стороны Угличской заставы послышалась короткая ленивая перестрелка из винтовок и револьверов, но быстро смолкла. Всё, кажется, шло по плану. Перхуров уже приготовился командовать выступление своей группе, как вдруг с пустыря послышался шум моторов и металлический лязг. Тут же прибежал дозорный и доложил, что прибыли броневики. Уже в воротах Перхуров столкнулся с офицером-латышом, заместителем Супонина.

– Бронедивизион по вашему приказанию прибыл, господин полковник, – козырнув, доложил он. – Заместитель командира подпоручик Озолс.

– Почему опоздали? Где Супонин? Что за разброд в самый ответственный момент? – зло процедил сквозь зубы Перхуров.

Неторопливо и хладнокровно, с характерными прибалтийскими расстановками Озолс объяснил, что выход броневииков задержали какие-то красные лазутчики. Сам он ничего толком не знает, но Супонин арестовал троих подозрительных типов, что крутились у броневииков. Одному из них удалось бежать, и Супонин преследует его. Озолсу приказано выступать во главе дивизиона.

– Чёрт знает что, – пробурчал Перхуров, досадуя, что некого как следует отругать. – Разворачивайте машины, подпоручик. Одну – в город, немедленно. И сами отправляйтесь. Другая сопровождает мою группу. До встречи, – и коротко махнул ему рукой. Озолс козырнул и пропал. Через минуту за воротами взвыл мотор, и один броневиик, лязгая грунтозацепами, покотил в сторону города.

По команде Перхурова его резервно-штабная группа с артиллерийским обозом и четырьмя грузовиками тронулась в путь. Полковник шёл впереди, во главе колонны стрелков. Тридцать два человека с винтовками за плечами, два орудия на передках, два зарядных ящика с боекомплект по 180 выстрелов на каждую пушку. Замыкал шествие огромный, неуклюжий, похожий на клёпанный сундук, бронеавтомобиль. Сила. Небольшая, но вполне внушительная. Но дело вовсе не в его, Перхурова, силе, а в слабости противника, который, кажется, не может и не хочет защищаться. И когда-то ещё красные очухаются и подтянут боеспособные части! Да поздно уже будет.

Спешили. Отряд миновал кладбище и стал втягиваться в город. Потянулись деревянные дома и рабочие бараки Вспольинского предместья. В глухой предрассветный час над городом царствовал глубокий сон. Даже здешние собаки, самые голосистые в Ярославле,

гавкали коротко, сипло и нехотя. На развилке грузовики, прибавив газу, взревели и гуськом покатали в сторону Даниловской улицы, с которой начинался их объездной маршрут.

Что ж, теперь вперёд. Через полчаса они должны войти в Знаменские ворота. Скорее бы уж, что ли...

– Шире шаг! Подтянуться! – обернувшись, крикнул Перхуров. Но люди и так шли очень скоро. И видно было, как лошади артобоза позади стрелков ритмично машут головами в такт собственным нелёгким шагам. Колонна втягивалась во Власьевскую улицу, которая, раскинувшись на полторы версты, вела через Сенную площадь к самым Знаменским воротам. Здесь она была совсем ещё деревенской: избы, палисадники, огороды на задах. Но начиналась уже булыжная мостовая, и колёса повозок глухо загрели. Вкатившийся вслед артиллерии броневик затрясся и загрохотал ещё пуще. На окнах заколыхались занавески, замелькали еле видные в полутьме заспанные лица.

Рассвет занимался всё настойчивей, уже хорошо видно было вблизи, но дальний отрезок улицы был всё ещё тёмн и заволочен дымкой. Вдруг какое-то движение померещилось Перхурову впереди. Нет. Не померещилось. Верховые. Остроконечные красноармейские шапки, фуражки. Слышен уже храп и фыркание лошадей.

– Отряд, стой! – крикнул он, вглядываясь в приближающихся всадников. Они появлялись словно из-под земли, их становилось всё больше. Перхуров догадался, что они выскакивают из-за обнесённого забором пустыря. Там проулок. Их намерения были уже ясны. Они выстроились в лаву и атакующим порядком приближались к перхуровскому отряду. Полковник еле слышно чертыхнулся. «Пах! Пах!» – раздались револьверные хлопки. Винтовок у них, кажется, не было. Уже хорошо. А револьверы с дальнего расстояния безопасны.

– Отряд, к бою! Рассыпаться в цепи! – скомандовал Перхуров. – Орудия с передков! Не заряжать, имитировать боеготовность! Броневик пропустить вперёд. Без команды не стрелять!

Стрелки рассредоточились в две цепи и залегли поперёк улицы. Артиллеристы сняли с передков орудия, развернули и устремили стволами в сторону наступающих. Лошадей отвели назад на безопасное расстояние. Броневик выкатился навстречу всадникам и остановился. На нём зашевелились в башенках стволы пулемётов, будто нащупывали, куда сподручнее всадить очередь.

«Пах! Пах!» – хлопали впереди револьверы. Но пыл наступающих, и без того нежаркий, заметно ослабевал. Увидев впереди вооружённый до зубов и готовый к бою отряд, они осадили коней, пошли шагом и наконец остановились метрах в двадцати от ошетилившегося пулемётами броневика. Тут кто-то в цепи не выдержал. Хлётко и резко разнёсся винтовочный выстрел. В первых рядах всадников один вскрикнул, схватился за плечо, согнулся и медленно сполз с лошади.

– Ч-чёрт! – тихо, но грозно ругнулся Перхуров. – Почему без приказа? Оглохли? Только боя не хватало!

Ему стало вдруг жарко. Пришлось снять пиджак.

Но боя, кажется, не намечалось. Конный отряд осадил назад и в замешательстве затоптался на месте. Перхуров перевёл дух, вышел к броневiku и, стоя так, чтобы в опасном случае укрыться за ним, набрал воздуха и крикнул насколько мог зычно:

– Оружие на землю! Спешиться и не двигаться! Минута на размышление, по истечении открываю огонь!

Масса верховых – человек в двадцать с лишним – колебалась, шарахалась вперёд-назад с беспокойным топотом и фырканием коней. Перхуров вынул часы-луковицу. В исходе этого столкновения он уже не сомневался.

В рядах конников, кажется, возобладало благоразумие. Люди соскакивали с коней и бросали наземь револьверы. Взметнулся над головами белый платок.

– Не стреляйте! Не стреляйте! Мы сдаёмся! – человек, махавший платком из первых рядов, соскользнул с коня, бросил увесистый «маузер» и шагнул вперёд. Был он среднего роста, крепкий, лобастый. Из-под его фуражки выбивались русые волосы.

– Я буду говорить только с командиром! – крикнул он.

– Подойти на десять шагов! – скомандовал Перхуров, окидывая его цепким взором. – Слушаю вас. Полковник Перхуров. Северная Добровольческая армия.

У парламентёра на миг отвисла челюсть, но он быстро справился с собой. Вытянулся и козырнул.

– Виноват, господин полковник. Но по нашим данным... – он понизил голос и опасливо покосился на свой отряд. – По нашим данным, вы должны быть уже в городе. Мы приняли вас за красноармейскую часть и под видом ошибки хотели задержать вас. Так мне приказал Фалалеев... Вышло иначе, очень жаль, но хорошо, что всё вовремя разъяснилось.

– Балаган! – вздохнул Перхуров, смирив злость. – А с кем имею честь разговаривать?

– Виноват, – подтянулся парламентёр. – Командир отряда конной милиции Баранов.

– Угу... – хмуро буркнул Перхуров. Второй раз за сегодня ему неудержимо захотелось выругаться. Хитёр Фалалеев! А, казалось бы, дубина дубиной! Особенно взбесило это ненароком вылетевшее у Баранова «под видом ошибки». Хорош! Ошибся – и всё тут. То же самое он сказал бы красным, и они с Фалалеевым при любом раскладе чисты.

Раненый был отправлен на броневике в ближайшую аптеку на Сенной площади для оказания помощи.

– Что в городе? – спросил у Баранова Перхуров.

– Стреляют... – пожал плечами тот. Больше он, кажется, ничего не знал. А из города в самом деле доносилась отдалённая стрельба. Ленивая, разбросанная. Значит, нет настоящего боя. Нет сопротивления. Это хорошо. А сзади, со стороны артскладов, стрельбы и вовсе никакой. Пора бы уже... Сговорились они, что ли, город сдать?

– Отряд! – скомандовал Перхуров. – Надеть повязки!

– Повязки! Повязки! Надеть повязки! – пробежало по рядам. Это было важно. При разное одежд, да ещё и в потёмках, в городе легко можно было принять своих за чужих. И наоборот. Лишь бы Скраббе и Нахабцев не забыли... Нет. Не забудут. Даже Фалалеев не забыл. И Перхуров желчно усмехнулся, увидев, как конные милиционеры с готовностью достают из карманов белые тряпочки и сдирают красные звёздочки с «богатырок».

Перестроив отряд снова в походный порядок, Перхуров дал команду к отправлению. Шли быстро. Стучали по булыжнику сапоги и ботинки. Гремели и стонали колёса тяжёлых повозок. Цокали лошадиные копыта. Разбуженные стрельбой горожане опасливо поглядывали из-за заборов палисадников.

Выскакивали из проходных дворов и переулков дозорные. Подбегали, докладывали и вставали в строй. Несколько дозоров Перхуров всё же оставил: мало ли, что может случиться, а связь в критический момент решает всё. Впереди, над перекрёстком Власьевской и Духовской улиц горела громадная груша электрического фонаря, висевшая на натянутом от угла к углу тросе. В неверном рассветном полумраке свет был мутен и жёлт. И вдруг лампа погасла. Вспыхнула. Снова погасла. Опять вспыхнула и погасла уже окончательно, лишь долго ещё краснело в ней что-то, как папиросный огонёк. Перхуров вздохнул и переглянулся со своими штабистами. Это был сигнал о том, что все намеченные объекты захвачены. Но стрельба в городе не смолкала, и радоваться, кажется, было ещё рано. Перхуров приказал ещё прибавить шагу, и через четверть часа колонна оказалась на Власьевской площади. Прямо перед ними зияла тёмная пасть Знаменских ворот, за которыми начинался центр города. Перхуров перекрестился на церковь Святого Власия, вынул револьвер.

– За мной – шагом марш! – крикнул он и твёрдой, цепкой, устремлённой походкой двинулся к Знаменским воротам. Гулко загудели шаги и голоса под крепостными сводами.

И рассвет на Угличской улице и Театральной площади показался полковнику куда более живым, ярким и тёплым. Он увидел знакомые лица. Увидел белые повязки на рукавах снующих тут и там людей с револьверами и винтовками. Многие из них уже успели переодеться в полевую военную форму, и вид имели строгий и решительный. Прямо ему навстречу от Угличской в сопровождении двух офицеров шёл высокий и статный генерал Верёвкин. Старенький поношенный френч смотрелся тускло и невыразительно, но сапоги сияли. Околыш фуражки был обвязан георгиевской лентой. Генерал добро и приветливо улыбался Перхурову, отчего седая борода и аккуратные усы топорщились и расплывались.

– Отряд, стой! – скомандовал Перхуров.

– Город наш, Александр Петрович, – остановившись и козырнув, проговорил он. – Свершилось. Свершилось... – и сморгнул. И смущённо прокашлялся.

– Благодарю. Благодарю, Иван Александрович, – кивал головой Перхуров, пожимая ему руку и хлопая по плечам в коротком объятии. – Благодарю. Но... Хотелось бы знать оперативную обстановку, господин генерал. И поподробней, если можно.

– Сей момент. Это мы быстро, Александр Петрович, – рассмеялся Верёвкин и вынул из походного планшета карту города. – Вот, извольте видеть. Все намеченные объекты захвачены и охраняются. Город контролируется усиленными патрулями. Однако есть ещё два очага сопротивления. Это Губернаторский дом, – Верёвкин ткнул коротким карандашом в большой прямоугольник на Волжской набережной, – и вот, Кокуевская гостиница.

Перхуров обернулся. Там, за Знаменской башней, напротив Волковского театра, и в самом деле было много людей и доносились револьверные хлопки.

– Там засели советские чиновники, – пояснил Верёвкин. – Их успел кто-то предупредить. Забаррикадировались, стреляют в окна и через двери, требуют связи с Москвой. Там же их жёны и дети.

– Это плохо, – поморщился Перхуров. – Не хватало ещё славы царя Ирода... Но ничего не поделаешь. Времени уговаривать и торговаться у нас нет. Берите резерв из моей группы, Иван Александрович. Через полчаса должно быть всё кончено. Не забывайте: у нас ещё Закоторосльская сторона.

Верёвкин тяжело вздохнул.

– Бодрее, Иван Александрович. Бодрее, – подмигнул ему Перхуров. – Пока всё идёт по плану. Всё по-нашему, господин генерал! Да! – досадливо хлопнул он себя по лбу. – Что с коммунистическим отрядом?

– Обезврежен. Дежурная рота разоружена и изолирована. Остальных потихоньку вылавливаем. Они не опасны.

– Как это удалось, Иван Александрович? – удивлённо глянул Перхуров на Верёвкина. – Я ожидал тут сложностей...

– Обошлось. Поручик Супонин весьма отличился. Целую операцию развернул. Если бы не он – худо пришлось бы, – коротко и сдержанно рассмеялся Верёвкин.

– Супонин? – нахмурился Перхуров. – Так-так. Ну, я с ним ещё поговорю. А куда деваете арестованных?

– Сидят под плотной охраной в Волковском театре, Александр Петрович.

– Что с Нахимсоном?

– Вот-вот будет арестован. «Бристоль» оцеплен.

– Охранять усиленно вплоть до моего распоряжения. Он опасен.

– Знаем. Принимаем меры.

– Благодарю, Иван Александрович. Распоряжайтесь резервом по вашему усмотрению. До встречи на Ильинской площади. Готовьтесь принять под начало комендатуру города, – и, махнув рукой, Перхуров направился к Ильинской площади. Вслед устремился и его штаб во главе с Петровым. Рассвет окреп. Солнце ещё только угадывалось одним краешком где-

то за домами, за Волгой, за лесом. Но верхние карнизы зданий и купола церквей окрасились уже нежно-золотым, чуть розоватым сиянием.

Стояли на перекрёстках, дежурили на улицах патрули с белыми повязками на рукавах. Вытягивались по стойке «смирно», козыряли проходящим начальникам. Несколько человек стремительно, переходя от стены к стене, от забора к забору, расклеивали отпечатанные крупным шрифтом воззвания новой власти. На Ильинской площади, возле храма Ильи Пророка, расположился временный штаб. Сидели, стояли, прохаживались вокруг офицеры. На ящиках расстелены были карты Ярославля и окрестностей. Здесь заправлял генерал Карпов. Энергичный, живой, как ртуть, круглый и плечистый, он размашисто жестикулировал и горячо доказывал что-то. Старый китель с защитными погонами генерал-лейтенанта был ему тесен и с трудом сходился на животе.

Боевой генерал, он оставался на посту до последнего. До последнего проклятого февральского дня, когда 12-я армия, овеянная боевой славой на прибалтийских фронтах, была расформирована в Рыбинске. Полгода он провёл в родном Ярославле, маясь вынужденным бездельем и не скупясь на ядовитые комментарии в адрес новых правителей. Грянувшие в городе события вернули его к активной жизни. Невысокий, но плечистый и полноватый, он передвигался стремительно, взвихряя за собой воздух, по-бычьему нагнув крупную лысоватую голову с редкими пегими волосами и утопая в старорежимной, лопатообразной, тоже пегой бороде. Громадные, крепкие, как клещи, ручки постоянно размахивали, жестикулировали, и на ходу Карпов напоминал жарко раскопчегаренный паровоз. С таким человеком нельзя было не считаться, и Перхуров относился к нему осторожно и предупредительно. Как к ходячей бомбе.

Карпов оглянулся и, увидев подходящих, громогласно рявкнул:

– Господа офицеры!

Люди поднялись с мест, выпрямляя спины и одёргивая одежду.

– Здравствуйте. Здравствуйте. Здравия желаю, – бросал на ходу в разные стороны Перхуров. – Здравствуйте, Пётр Петрович, – остановился он перед Карповым.

– Александр Петрович! Наконец-то! – раскрыл объятия Карпов. – С победой!

И крепко обнял Перхурова. Полковник, зажмурясь, вытерпел касания крест-накрест сухих генеральских губ и жёсткой седой клочковатой бороды. Карпов отвернулся, шмыгнул носом, достал платок и промокнул глаза.

– Что в Губернаторском доме, Пётр Петрович? – спросил Перхуров.

– Что? А вон что, – улыбнулся генерал, указав на выходящую из Губернаторского переулочка процессию. Усиленный конвой вёл группу растрёпанных, окровавленных мужчин.

– Сдались, голубчики... Ну и славно. Ну и хорошо. А держались крепко, стервецы. Крепко... Если бы все они так, ничего бы у нас не вышло...

Поймав косой взгляд Перхурова, Карпов счёл за лучшее замолкнуть.

– Всё хорошо, Пётр Петрович. Всё хорошо, что хорошо кончается, – пробормотал сквозь зубы Перхуров.

И вдруг из-за домов со стороны Театральной площади грянул резкий, раскатистый удар. Всклипнули стёкла в окнах. С чердаков, хлопая крыльями, сорвались и закружились над крышами голуби. Офицеры вздрогнули и переглянулись.

– Что за чёрт? Кто приказал? – зло прогудел, не разжимая зубов, Перхуров. Через пятнадцать минут догадок и недоумений из-за угла Губернского присутствия выскочил несущийся во весь дух старший артиллерист капитан Ширин.

– Господин полковник, – задыхаясь, проговорил он. – Осаждённые в Кокуевке... Сдались!

– Зачем стреляли, капитан? – сурово вперил в него взор Перхуров.

– Виноват, господин полковник, пришлось. Крепко они там засели. Когда б мы их ещё выкурили... А времени нет. Пришлось всадить по нижнему этажу, где ресторан. Так и повыскакивали, кто в чём... В театр их посадили, – улыбаясь и будто оправдываясь, говорил капитан. Глаза его были усталы и безразличны.

– Хорошо, капитан. Убитые, раненые?

– Никак нет. У них контуженные есть. Да вот мальчонка там один уж больно плох, чахоточный, кровь горлом хлынула... И у бабы какой-то припадок сердечный сделался. В госпиталь увезли, очухается. А мальчишка-то помрёт. Жалко... – вздохнул Ширин.

– Благодарю вас, капитан. Вы свободны, – хмуро кивнул ему Перхуров. – Веретенников! Ракету!

«Пах-х!» – хлопнула ракетница, и зелёный, с длинным белым хвостом, огонёк, шипя и потрескивая, взлетел высоко в рассветное небо над серыми крышами и золотыми куполами. Город был взят.

– Я подготовил приказ, Пётр Петрович, – вполголоса сказал Перхуров стоявшему рядом Карпову. – Комендантом города назначаю Верёвкина, а вас – моим заместителем. По всем вопросам, но прежде всего – по связям с населением. Дело это огромной важности, и лучше вас не справится никто.

– Спасибо, Александр Петрович, – приосанился Карпов и пригладил седые тигриные усы. – Гм... Гм... Польщён, да. Благодарю за доверие. Служу России!

На площадь с грохотом и рёвом ворвались грузовики. Тут же стали подходить офицеры. Усталые, пыльные, с красными глазами, но бодрые и возбуждённые. Перхуров жал руки Скраббе, Нахабцеву, Толкачёву, поздравлял их с победой, благодарил за службу. Строго, пронизывающе поглядел на Супонина, но скупой улыбнулся и тоже пожал ему руку.

– Сколько у вас людей, полковник? – спросил Перхуров у начальника резерва.

– Уже более сотни, Александр Петрович, – ответил тот. – И продолжают прибывать.

– Сто человек... Сто. Две трёхдюймовки... – прикидывал вслух Перхуров, критически качая головой. – Я, господа, о штурме Закоторосльной стороны. Сил мало, дай Бог только город удержать. Что скажете? Пётр Петрович?

– Гм... гм... – сгрёб бороду огромной ручищей Карпов. – Риск, Александр Петрович. И никакой гарантии успеха. Даже если полк промолчит. А если выступит против нас? Нет. Рано. Рано.

– Николай Иванович?

– Опасно, Александр Петрович, – пожал плечами Петров. – Полк там, конечно, одно название, три роты, даже не батальон. Балаган. Но против нас и это сила. Я им не верю. Штурмовать сейчас нельзя.

– Карл Янович?

– Риск. Большой и неумный риск, – веско и хладнокровно ответил латышский полковник Гоппер. – Накопим сил – ударим. Сейчас – преждевременно.

Перхуров покусал губу. Такой поворот событий был учтён его планом, но всё же делал победу половинчатой, куцей. Это омрачало. Но ничего не поделать. Слишком мало у него людей, чтобы так рисковать.

– Приказываю занять временную оборону на Которосльной набережной. Усиленный участок – от Стрелки до Американского моста. Дальше – по мере наличных сил. Деревянный мост у Толкова взорвать. Обустроить пулемётные точки. Артиллерийские позиции оборудовать у торца Лицея на Стрелке, чтобы накрывать цели на обеих реках. Поручик Нахабцев, капитан Ширин. Выполняйте, – размеренно, чётко и энергично распоряжался Перхуров. – Капитан Скраббе! С отрядом в прежнем составе занять оборону северной окраины города и железнодорожного моста. Полковник Гоппер! Вам вверяется самое опасное направление –

Вспольинское. Оттуда вот-вот последуют атаки красных. Берите Супонина с броневиками и выдвигайтесь. Подкрепление вышлю немедленно.

– Ну а мы, господа штаб-офицеры, – улыбнулся он своим штабным, – идём занимать самый важный объект. Гимназию Корсунской. В атаку – вперёд!

И озарённая рассветным солнцем Ильинская площадь опустела. У храма остались лишь четыре грузовика с оружием и восемь бойцов охранения. Наступила тишина. Ярославль мирно досыпал свои последние спокойные часы.

Хитрец и беглец

В трущобных извилистых проулках и прогонах было тесно, темно и страшновато. Но предрассветная тёмная синь полнилась и сотрясалась грохотом шагов и горячим, частым, прерывистым дыханием. Бегущих было четверо. Командир автобронедивизиона Супонин с тремя надёжными, посвящёнными в дело бойцами преследовал сбежавшего от него весьма подозрительного и опасного человека. Этот человек и двое его спутников пришли около часа ночи в расположение дивизиона и, представившись технической комиссией из штаба округа, принялись осматривать бронемашину, что-то вынюхивать и записывать. Время стремительно утекало. Вышли все сроки отбытия броневиков к артскладам у Леонтьевского кладбища, а нудные инспектора всё не уходили. Супонин понял, что всё это неспроста. Документы у проверяющих оказались, как назло, в полном порядке. Мандаты подписаны самим окрвоенкомом Нахимсоном, и дать этой незваной комиссии от ворот поворот не было оснований. Выступление дивизиона явно срывалось. Супонин и так уже был не на лучшем счету у Перхурова и понимал, что ему несдобровать. Он приказал арестовать проверяющих, разоружить и запереть их под охрану в караулке. Последствия? Наплевать. Последствия от Перхурова, если броневики так и не явятся на подмогу, будут ещё хуже. Этот и вовсе разбираться не станет.

Всё уже было готово, броневики тарахтели моторами, как вдруг со стороны караулки послышались крики и стрельба. Арестованные вырвались на свободу. Одному из них удалось бежать через забор, двое других были схвачены и связаны. Дознаваться, как всё это случилось, не было времени, и Супонин, приказав своему заместителю выступать, взял трёх бойцов и бросился в погоню. Он не знал толком, куда побежит этот тип. Замысел был в другом. Нужно было опередить его. А если не удастся, то объявить этого человека шпионом и диверсантом. Тем более, что все документы отобраны у него при задержании. Супонина послушают. Он тут, в городе, на доверии, его многие знают как убеждённого советского военспеца. Глядишь, удастся усыпить власти, не дать развернуть в полную мощь силы коммунистического отряда, который был непроходящей головной болью Перхурова. А там повстанцы ворвутся в город, и дело будет сделано.

После четверти часа бесцельного петляния по дворам и закоулкам, они через сквозной подъезд углового трёхэтажного дома выскочили на Театральную площадь. И уже на полпути к Знаменским воротам вслед им полетело отрывистое «Стой!» и раздался два револьверных хлопка. Супонин остановил бойцов и огляделся. К ним быстро шагали трое. Один с револьвером, двое с винтовками наперевес.

– Руки вверх! Не двигаться!

Пришлось подчиниться. Голос показался Супонину знакомым.

– Кто такие? Документы!

И, только взглядевшись в лицо подходящего человека, Супонин понял, как ему повезло.

– Чего ж ты, дядя Паша, своих не узнаёшь? Супонин я, броневиками командую! – крикнул он с улыбкой в голосе, на всякий случай задирая повыше руки.

– Супонин? – нахмурился замкомандира коммунистического отряда Красков, механик с Лебедевского завода, худой, плечистый, седоусый дядька лет пятидесяти. Подошёл ближе, взгляделся. – Ого! Точно, Супонин... Здорово, Маслénкин! Эти с тобой? – кивнул он на бойцов Супонина. – Ну? Чего по ночам шляетесь, людей пугаете?

– Дело серьёзное, дядя Паша. Без вас – никак. Полчаса назад на наш дивизион напали диверсанты. Броневики взорвать хотели. После боя с караулом отступили и скрылись. Ведём преследование, Пал Егорыч. Видели пять человек, но подозреваем, что их гораздо больше.

Они ушли в сторону Которосли. Честно скажу, упустили мы их... – взволнованно, не опуская заданных рук, протараторил Супонин.

– Да опусти ты грабли свои! К Которосли ушли, говоришь? Гм... У меня другие сведения... – недоверчиво, но без враждебности, проговорил Красков, недоуменно выпятив нижнюю губу.

– Да наплюй ты на свои сведения! Я! – Супонин стукнул себя кулаком в грудь. – Я – твои сведения! Задержать надо этих башибузуков, за Которосль они рвутся!

– Да ты не болбочи. Был сигнал из городской управы, что на Семёновской. Позвонили, говорят. И оборвалось тут же, будто провод перерезал кто... Ну, нас и бросили туда, проверить, чего там у них.

– А милиция на что?

– А, милиция... – махнул рукой Красков. – Сам знаешь, толку от них... Так что вот дело-то какое. А ты – Которосль... Нет, Маслénкин, так не пойдёт!

– Ох, дядя Паша, упёртый ты... Я же только что оттуда. Всё там у них спокойно. А позвонили... Да нас вот увидели и позвонили, бегут, мол, какие-то с оружием... Никакой там стрельбы, сонное царство, трубку, может, не так повесили, вот и не отвечает... А мы с тобой из-за этих дураков настоящих бандитов провороним! Пока судим здесь да рядим, они, глядишь, склад какой подорвут. Или вокзал. Или мост... Чуешь, чем дело-то пахнет? Мне – что, мне так и так гореть. За разгильдяйство. Допустил... Упустил... А тут и тебе достанется, если что. И давай-ка быстрее, времени нет! Где твои люди? – горячо выкрикивал Супонин в лицо Краскову.

– Да вон... В сквере, – кивнул он в сторону заросшего скверика у Власьевской церкви.

– Сколько?

– Тридцать человек...

– Мало... – сокрушённо проговорил Супонин. – Весь бы отряд поднять...

– Не приказано, – пожал плечами Красков. – К утру если. Связь – никуда...

– Может, всё-таки проверим, Пал Егорыч? – робко спросил один из его подручных.

– После проверим. Дело серьёзное. Супонин – наш, ему можно верить. Становитесь в строй. Вы – тоже, – скомандовал Красков Супонину и его бойцам.

Дежурная рота коммунистического отряда построилась перед сквером, покачивая холодно блестящими штыками винтовок. Супонин тихо приказал бойцам встать на левом фланге, чтобы при движении оказаться сзади. А сам после переклички оказался во главе колонны вместе с Красковым. Уже на ходу решили идти к деревянному мосту через Которосль, ведущему в Толчковскую слободу. Нагоняя по пути на Краскова страху, Супонин мучительно прикидывал. Тридцать человек. Немало. По военным меркам сила грозная. У Скраббе, может быть, столько же. Ну, чуть побольше. Но те – поголовно офицеры, у них выучка, организованность, слаженность. У них умение мгновенно реагировать, нападать и стрелять, понимать друг друга с полуслова и полужеста. У всех за плечами война. Красков... Слов нет, Красков – мужик бесстрашный и решительный. Но кто он? Кто они все? Всего лишь рабочие с винтовками. Против Скраббе с отрядом они и ахнуть не успеют, полягут в первые же минуты. А когда Перхуров займёт город, собирать основные силы отряда будет некогда и некому. Вот и будет Супонин молодцом. Всё пока вырисовывалось вполне победно. Вот только совесть ощутимо покалывала сердце поручика. Красков-то ему верит. Откровенной галиматье верит, вот что значит дружба!

Была и ещё одна скверная мыслишка, которую Супонин изо всех сил упрятывал как можно глубже. Если власти окажутся вдруг проворнее Перхурова – что маловероятно, но всё-таки возможно, – и отразят нападение, то Супонин имеет призрачный шанс выйти из воды сухим. Первым забил тревогу. Вывел роту коммунистического отряда навстречу наступающему противнику. А что броневики к Перхурову ушли – так это без него. Трусом

Супонин себя, конечно же, не считал, и этой пораженческой мыслишки стыдился. Но благоразумие заставляло считаться с возможными неожиданностями. Что и говорить, куда спокойней и приятней было бы по-прежнему служить красным в этом никому здесь не нужном автобронедивизионе. Но именно бесцельность и никчёмность угнетали его. Маска сочувствующего военспеца надоела хуже самой горькой редьки. После Брестского мира бывший поручик окончательно взбеленился и поклялся себе, что при первом удобном случае выступит против Советов. И вот он, случай. Вот он, тот самый шанс, ради которого он, возможно, и жил всю прежнюю жизнь. А если не судьба, так что ж... Он и так неплохо пожил. Тридцать два года – это немало по нынешним временам. Многие его боевые друзья, безвестно погибшие на полях войны, могли бы, наверное, и позавидовать такому долголетию. А он жив, здоров, крепок и служит этой новой власти, которая своим проклятым миром поставила на их героических смертях жирный крест.

– Ну гляди, долгонос бронекопытный, если обманешь! – беззлобно ворчал идущий рядом Красков. – Ох, что я с тобой сделаю!

– Да брось, дядя Паша, – тоскливым голосом отвечал сбитый с лирики Супонин. – Без тебя тошно... Из-за этих диверсантов в лучшем случае с дивизиона слечу, а в худшем... – и, не продолжая, горестно махнул рукой.

Красков помолчал, посопел на ходу, провёл пальцами по толстым седым усам.

– Ну... Ты не очень расклеивайся. Авось и пронесёт. Да и моё слово ещё кое-что значит, а уж на меня можешь рассчитывать, – вполголоса, успокаивающе, пробурчал он.

– Вот бы спасибо-то, Пал Егорыч, – скорбно вздохнул Супонин. – Да всё равно, дело моё тухлое...

Подделывать скорбь не было нужды. На душе было черно. Бок о бок с ним идут люди, которые ему верят. И ему, Супонину, предстоит сейчас совершить подлость. Подлость, которая, скорее всего, будет стоять кому-то из них жизни. Капитан Скраббе в случаях сопротивления предпочитает действовать решительно и безжалостно. Никакой личной вражды к этим простым работягам с винтовками Супонин не испытывал. Но только они могли сегодня реально защитить Советскую власть в Ярославле. Ту самую власть, которую так люто ненавидел в душе Супонин. А значит, их надо было обезвредить. Любой ценой, как и положено на войне. Этот же милейший Красков на его месте наверняка действовал бы точно так же, отогнав от себя неизбежные угрызения. Железная логика войны... Но не уместилась в эту логику душа, бунтовала, ныла и рвалась.

Выскочила на Большую Рождественскую, перепрыгнула её и иссякла меж церковной оградой и заборами Срубная улица. Здесь было уже совсем черно: свет с перекрёстка в эти трущобы не доходил. Всё ниже и темнее дома, всё недружелюбнее изгибы улочек и прогонов, всё злее псы за воротами. Глушь. И это почти в центре города...

Осталась позади неохватная громада Вахрамеевской мельницы. Отряд запетлял меж изгородей, плетней и кустов. Здешний берег совершенно не походил на городскую набережную: она, обустроенная и украшенная парапетом, беседками и скамейками, заканчивалась ещё у Американского моста. Здесь же тянулся дикий высокий обрыв, и над ним шла дорога с густой травой посередине и двумя пролысинами колеи по бокам. Она то приближалась к самому краю, то, будто одумавшись, отворачивала от него. А впереди уже белела однокупольная церковка Николы Мокрого. Незатейливая, низенькая и будто бы распростёртая на земле, она была похожа на седого старичка в белой крестьянской рубашке. Будто и впрямь Николай Угодник, устав творить чудеса, искупался в Которосли и прилёг отдохнуть на берегу. А впереди, на фоне уже светлеющего неба, в полуверсте, за Которослью, замысловато вырисовывались гроздь куполов храма Иоанна Предтечи и его разлапистая, вычурная, как разукрашенная рождественская ель, колокольня.

Приближался самый ответственный и опасный момент. Отряд Скраббе, судя по времени, должен быть где-то неподалёку.

– Ладно, Пал Егорыч... – всё так же понуро вздохнул Супонин. – Пойду своих провожаю, как они там...

– А? Валяй... – сонно буркнул в ответ Красков.

Бойцы Супонина шли в самом хвосте. Дорога как раз делала изгиб у разросшегося прибрежного ивняка, и Супонин велел им приотстать. Замыкающие скрылись из виду за кустами, и поручик, вынув из кармана большой белый носовой платок, разорвал его на четыре полоски, раздал бойцам и сам повязал на левый рукав белый лоскут. Условленный отличительный знак.

– Ну, ребята, сейчас будет... По моей команде догоняем их и атакуем сзади. Револьверы к бою. Спринцовки долой!

Полетели наземь красноармейские шапки. Супонин остался в фуражке. Эмалевая красная звёздочка перекочевала уже с её околыша в карман гимнастёрки. Зачем? На всякий случай...

Поручик выглянул на дорогу и понял, что не ошибся в расчётах. У Николы Мокрого, у берегового обрыва и далеко впереди что-то тускло блеснуло. Ещё раз. Ещё... Видавший военные виды Супонин понял, что это блики от винтовочных штыков.

Дежурная рота коммунистического отряда подходила уже к храму Николы Мокрого. Красков, видимо, тоже заметил что-то подозрительное и поднял руку, приказывая отряду остановиться. Это была серьёзная ошибка. Он обозначил себя как командира, чего нельзя было делать ни в коем случае. И тут же на крыше храма, из-за тонкого купольного барабана, сверкнула тусклая рыжая вспышка и ахнул винтовочный выстрел. Красков неуклюже взмахнул руками и рухнул. Строй его бойцов смешался, люди засуетились, срывая с плеч винтовки, но тут же оказались зажаты в полукольце атакующих перхуровцев. Вслед за первой цепью подоспела вторая. Видя всю безнадёжность положения, некоторые бойцы коммунистического отряда бросили винтовки и подняли руки. С остальными завязался рукопашный и штыковой бой.

– За мной! – приказал бойцам Супонин, и они вчетвером выскочили из-за кустарника. Преодолев в несколько прыжков расстояние до взятого в клещи и уже беспомощного отряда, они в белых повязках и с револьверами замкнули кольцо окружения.

– Руки вверх! Вы окружены! – рявкнул Супонин, подбегая.

В нестройных, перемешанных рядах дежурной роты воцарилось уже полное смятение. Сопротивление прекратилось. Люди капитана Скраббе вязали бойцам руки за спины и ставили в шеренгу на обочине. У бойцов блуждали вытаращенные глаза. Они, кажется, до сих пор не понимали, что произошло. На дороге остались лежать Красков с развороченным затылком и двое бойцов-коммунистов.

– Как прикажете всё это понимать, поручик? – пристально и колюче поглядел на Супонина капитан Скраббе из-под козырька фуражки. – Странные художества... Очень странные. А если бы я не успел? Не занял позицию, не выстроил цепи, а?

– Хуже было бы оставить их в городе, капитан. Там они куда опаснее... Надо было выманить. А что вы с ними справитесь в два счёта, я не сомневался, – пожал плечами Супонин.

Скраббе снова уколол его глазами.

– А кстати, почему вы здесь, а не там, где приказано? Почему броневики Озолс привёл?

Супонин коротко рассказал капитану обо всём, что произошло в последние полтора-два часа. Скраббе то и дело хмыкал, недоверчиво покачивал головой и усмехался. Выслушал, однако, до конца, ни разу не перебил.

– Интересно... Интересно, – кивнул он. – Я верю. Но вот поверит ли Перхуров... Он на вас очень злой. Но, думаю, вникнет. А ваш беглец? Так и сбежал?

– Сбежал, – вздохнул Супонин. – Но, думаю, кем-то перехвачен. А вы здорово их зажали, капитан. Ювелирно... – счёл нужным польстить он.

– А, эти штатские... Ни ума, ни осторожности, – махнул рукой Скраббе. – Мои разведчики вели вас от самой Срубной. Никакого труда. Даже скучно так воевать. Ну, пора! Стройте, подпоручик, пленных в колонну по три и под конвоем – в церковь, – приказал он одному из своих людей. – Оттуда не уйдут.

Разоружённые бойцы-коммунисты были препровождены в храм Николы Мокрого. Перхуров, по словам Скраббе, приказал лишней крови не лить. Пленников загнали в церковный подвал и приставили караул.

Не теряя времени, Скраббе с отрядом двинулся дальше. Без особого труда были взяты почтамт, телеграф, телефонная станция, два отделения милиции, Спасские казармы. Красноармейцы городского гарнизона ночевали по квартирам, и сопротивления никто не оказал.

Во всей этой суетливой и довольно бестолковой вооружённой круговерти носился туда-сюда, как челнок, поручик Супонин. Он налаживал связь между отрядами Скраббе и Нахабцева. Взмокший и запыхавшийся, он вдруг приостановился, болезненно поморщился и обеспокоенно коснулся рукой области сердца. Длинные пальцы полезли под клапан кармана и извлекли красноармейскую звёздочку. В первых лучах рассвета она была по-особому – кроваво! – красна. Один из двух крепёжных усиков оказался незагнутым и тупо, сквозь грубую ткань, упирался в грудь под левым соском. Всего-то эмалевая звёздочка! А никакого не сердце. Никакая не совесть. Супонин вымученно улыбнулся и швырнул её в водосток.

Рассвет свершился. Булыжник ведущих к Волге улиц был уже подогрет неярким, робким, розово-золотистым светом. Сияли крыши домов, испаряя росу. Но тьма ещё хмурилась в углах, подворотнях, у кустов и деревьев.

На Большой Даниловской улице, недалеко от Театральной площади, в палисаднике приземистого деревянного дома с резными наличниками, стоял именно такой полусумрак. Лучи восходящего солнца скользили по жестяной кровле, но ниже пробиться не могли. Здесь, в кусте сирени у самой завалинки дома, притаившись и вжавшись в землю, лежал человек. Лежал недвижно, будто окаменев, и лишь напряжение в лице, настороженно прищуренные, светло-карие, цвета испитого чая, глаза и желваки от стиснутых зубов выдавали крайнее возбуждение. Он прислушивался. Звуки рассветного города были сегодня необычны. Ещё затемно сонную тишину затрясли выстрелы, и первые из них были сделаны в него, Василия Андреевича Каморина. Сейчас выстрелы неслись с Театральной площади и Волжской набережной, а по улице то и дело слышались шаги. Чужие. Вражеские.

Прямо на переносицу – хорошо, не в глаз! – опустилась на ниточке зелёная гусеница-листовертка и пошла гарцевать по носу, как по гимнастическому бревну. Оба глаза Василия Андреевича невольно скосились на неё. И вдруг резкий, раскатистый, до звона в ушах, удар пронёсся в воздухе, качнул деревья, швырнул в лицо порыв ветерка, сдул с носа гусеницу. И отозвалось ему что-то гулко и тряско. В доме звякнули стёкла, а одна створка окна с лёгким скрипом медленно приоткрылась. В ней, как в затемнённом уменьшающем зеркале, отразилась часть улицы с бегущими по ней вооружёнными людьми и фрагмент тёмной ещё комнаты с бамбуковой этажеркой и низко висящей керосиновой лампой под пышным красным абажуром.

«Чёрт... – пронеслось в голове. – Пушка... Но в кого? И зачем? Вот гады...»

Каморин приготовился уже к следующему выстрелу, но его не было. Всё вдруг успокоилось, даже стрельба в городе прекратилась, кажется. Улица заметно опустела. Ещё немного – и можно будет уходить. Ничего больше не сделать... Ничего.

Эту мысль трудно было вынести, дыхание заходило от ярости и сами собой сжимались кулаки. Как всё невовремя! Как поздно он сюда приехал!

Он не мог точно знать, что и как изменило бы его присутствие в городе. Вернувшись в Ярославль по вызову Нахимсона и пробыв здесь два дня в качестве его уполномоченного, он увидел, что в органах власти не осталось ни одного человека, кого он полугодом раньше близко знал. В фабричных ячейках было много своих. Были убеждённые большевики и в Совете, но они всячески оттирались на задний план меньшевиками и эсерами, плотно захватившими все верхи власти в городе. Публика эта была весьма разношёрстная, неумеренно говорливая и властолюбивая. Эти люди прочно сидели на своих постах и имели поддержку в Москве. Воспротивиться контрреволюционному мятежу такая власть просто не могла. Похожие события вспыхнули в последние месяцы и во многих других городах России, и Каморину теперь казалось, что какая-то властная рука разжигает и направляет их. Кому-то очень нужно подпалить Россию со всех сторон. Явно неспроста, безоглядно разрушая и распыляя старую армию, обездолили и озлобили огромную массу бывших царских офицеров. Создаваемая наспех Красная армия осталась без грамотных командиров, зато приобрела тысячи убеждённых, организованных и хорошо обученных врагов. Во всём этом виделся теперь Каморину грандиозный злой умысел. Слишком гладко всё это укладывалось в жуткую логику некоторых известных деятелей, открыто бредивших уничтожением России во имя мировой революции. Именно за эти убеждения Каморин недолюбливал и теперешнего своего начальника, окружного военного комиссара Семёна Нахимсона. Но, волею судеб, именно Нахимсон оказался единственным в Ярославле облечённым властью человеком, который, узнав о готовящемся мятеже, всерьёз забил тревогу. У него не было достаточных сил пресечь заговор, а все просьбы о военном подкреплении разбивались о каменное молчание Москвы. Наконец, будто нехотя, выделили из резерва полк и двумя эшелонами доставили в Ярославль, на Всполье. Но что это был за полк! Одно название. Неслаженный, несвоёванный, состоящий в основном из необстрелянных, кое-как обмундированных и вооружённых добровольцев, которые, к тому же, вовсе не были настроены серьёзно воевать. Времени не было даже выгрузить их из эшелонов. Был, правда, в Ярославле ещё один полк – Первый Советский. Он квартировал в казармах бывшего Кадетского корпуса на Московской улице, за Которослью. Там тоже был полный развал. Полк этот никому не подчинялся, жил по законам солдатской общины и управлялся полковым комитетом, в котором уже сплели свою сеть перхуровские агитаторы. Каморину и его товарищам ценой невероятных усилий удалось выправить ситуацию. Солдатам напомнили о мрачных временах царской военщины, об офицерском мордобое. Срывая на хрип голоса, растолковывали каждому, что победа этих господ неизбежно принесёт новую войну. Перхуровцы поджали хвосты и притихли. Самой многочисленной и боевой была здесь третья – интернациональная – рота, состоявшая почти целиком из мадяров и поляков. В отличие от своих русских однополчан, они готовы были с голыми руками идти в бой против мятежников. И немудрено. Это не родина. Не Варшава. Не Будапешт. А лить чужую кровь в чужой стране всегда легче и куда как оправданнее... Но некогда было моральничать. И к вечеру минувшего дня, когда Перхуров, наверное, тешил себя мыслями о нейтралитете полка, разоблачители заговора уже знали, что нейтралитета не будет. А значит, за Которосль мятежникам путь заказан. Удалось наладить связь и с германскими военнопленными. Они тоже вздрагивали и передёргивались при одной только мысли о новой войне.

Так, по крупницам, сподвижники Нахимсона собирали сопротивление грядущему мятежу. Даже не верилось теперь, что за какие-то два дня можно столько успеть! Поздно.

Как же поздно вспомнил о них Нахимсон! Остановить Перхурова было уже нельзя. И Каморин холодел при одной лишь мысли, какой ценой придётся выбивать белых из города. Тут понадобится хитроумная войсковая операция, на которую у Красной армии не хватит ни сил, ни умения, ни дисциплины. Начнутся безоглядные – на авось – атаки с горами трупов, лихие кавалерийские набеги, от которых гибнет почему-то в основном мирное население и прочие прелести, обычные для воюющих числом против умения. Мысль о пожарах, разрушениях и кровавых побоищах на родных улицах была невыносима.

И прошедшим вечером, когда неизбежность перхуровского выступления в ближайшие часы уже не оставляла никаких сомнений, именно эта сердечная боль толкнула Каморина и его товарищей на отчаянный поступок. В случае успеха он мог бы лишиться Перхурова серьёзной поддержки – автобронедивизиона. В случае неудачи всё равно удастся на некоторое время задержать броневики, а значит, и Перхурова. Каморин и его друзья, скорее всего, погибнут, зато полк, прибывший на Всполье, успеет худо-бедно изготовиться и – кто знает! – может быть, даже атаковать мятежников.

Броневики были уже снаряжены и готовы к выходу. Около них заботливо сновали экипажи. Мандаты, подписанные Нахимсоном, не вызвали подозрений, и Каморина с двумя надёжными товарищами нехотя пропустили. Наблюдая краем глаза за поведением длинноносового вертлявого Супонина и его заместителя, неторопливого и ленивого с виду латыша Озолса, они вьедливо осматривали технику, проверяли крепления, затяжку болтов, состояние броневых заклёпок, работу механизмов, систему наведения кормовых штурмовых орудий и всё записывали – нудно и скрупулёзно – в карманные записные книжки. Каморин, призвав на помощь свои немалые технические познания, задавал каверзные вопросы, выстукивал броню, придирчиво вслушивался в работу двигателей. Время тянулось. По наступившей темноте, не глядя на часы, ясно было, что на дворе уже глубокая ночь. И вдруг... «Руки вверх!» – резко раздалось позади и Василий Андреевич почувствовал спиной лёгкое жгучее прикосновение винтовочного штыка. Подпираемые со всех сторон стволами, Каморин с друзьями вынуждены были уступить силе. Вскочивший тут же, как чёрт из табакерки, Супонин с гадкой ухмылкой объявил, что задерживает их по подозрению в диверсионной деятельности. Их обыскали, отобрали револьверы и документы. У Щукина обнаружили ручную гранату. «Что и требовалось доказать,» – прошипел сквозь зубы Супонин, и их препроводили в глухой, без окон, чулан в дежурке. И в этот же момент во дворе началась беспорядочная беготня, понеслись быстрые, частые и неразборчивые команды. Взревели моторы броневиков. Каморин зажмурился и вздохнул. Бронедивизион удалось задержать на целых два часа. Но нехудо бы и выбраться отсюда. Супонин не дурак, и, пока Перхуров не захватит город, ничего с его узниками не случится. Риск чересчур велик. Их даже не связали. Но после победы мятежников им долго не жить. Нахимсоновские мандаты – стопроцентная путёвка на тот свет. Каморин приоткрыл дверь и выглянул.

– Чего надо? – тут же просунулся в чулан плечистый караульный.

– Выводи по нужде! – требовательно заявил Каморин.

Часовой замялся.

– Не велено... – пожал плечами он. Узникам повезло. Их страж был, кажется, робок и мягкотел. Тем хуже для него.

– Я т-те дам – не велено! Ты кому это говоришь? Перед тобой уполномоченный окрвоенкома! – наседали Василий Андреевич, забавляясь растерянным видом караульного. – Я вот тебе наделаю здесь кучу на полу – сам языком вылизывать будешь! Веди! Быстр-ро!

И, не дожидаясь ответа, вышел в коридор. Караульный завозился, вынимая из кобуры тяжеленный маузер. Каморин резко схватил его за ствол, дёрнул и вырвал из рук бойца. Это было чистейшим безумием, но повезло: пистолет оказался на предохранителе. Тут же широкая ладонь Лобанова, каморинского товарища, плотно зажала рот караульного. В туск-

лом свете керосиновой лампы видны были лишь его испуганно выпученные глаза. Василий Андреевич от души засветил ему в лоб рукояткой пистолета, и он обмяк. Его втащили в чулан и закрыли дверь.

Каморин, Лобанов и Щукин, осторожно, озираясь, вышли из дежурки. В ней никого не было. Бойцы толпились у броневиков и открытых ворот. Вот бы когда пригодилась щукинская граната! Но теперь надо уходить.

– Айда, ребята! Самое время! – шепнул Каморин, и трое друзей врассыпную бросились к невысокому забору. Василий Андреевич успел подтянуться и перемахнуть, выронив при этом маузер. Щукин и Лобанов были грузноваты и замешкались. На них налетели, спохватившись, супонинские бойцы, повалили, стали вязать ремнями по рукам и ногам.

Каморин бежал через хлесткие кусты в направлении Ильинской улицы. Вслед ему грохнули три выстрела и затоптали сапоги преследователей. Они, конечно, не видели его и поддерживали направление наугад. Во всяком случае, больше не стреляли. Уже хорошо.

Свежий, чуть сыроватый ночной воздух встречным ветром ввинчивался в лёгкие, раздувал их так, что кололо в груди. Хорошо, что курить бросил. Ничего, ничего... Лишь бы до Ильинской площади добежать без приключений, а там и «Бристоль» рядом. Там Нахимсон. Предупредить его нужно.

Но преследователи были настырны. Ухающий топот то слышался позади, то отклонялся в сторону, но Каморин неизменно слышал его за спиной. И, только миновав Варваринскую улицу, Василий Андреевич понял, что, кажется, оторвался.

Чуть умерив бег, Каморин выскочил на Ильинскую площадь и устремился в сторону Угличской, на которой и была гостиница «Бристоль». Но уже на самых подступах к ней навстречу Василию Андреевичу выскочил патруль из трёх милиционеров. Он налетел с разбегу на одного из них и едва не сбил с ног. Все трое дружно надели на него, повалили и заломили руки.

Первое отделение милиции было тут недалеко, в углу Ильинской площади, возле Афанасьевского монастыря. Когда Каморина привели в дежурную часть, там, помимо дежурного, сидел ещё какой-то милицкий чин. Судя по всему, из начальства. Патрульные, сдав задержанного и коротко доложив, ушли, и началась нудная процедура оформления.

Он назвался Николаем Уткиным, рабочим-путейцем. Объяснил, что у перекрёстка Пробойной и Варваринской на него напали четверо неизвестных, отобрали деньги и документы и бросились наутёк. Пытаясь их преследовать, он и натолкнулся на милицкий патруль.

– И ведь, главное, что обидно-то? – взглядывал он в смурные милицеские физиономии, будто призывая их в союзники. – Нашли ж ведь кого грабить, сук-кины дети! Простого трудягу, каждая ж копейка на счету! Ну, я и взялся, что ж это, в самом деле!

– Благородный гнев, значит, – гадко усмехнулся начальник. – Понимаю... А вот мне всё кажется, Уткин, что где-то мы с вами встречались. Бывают же такие наваждения, а?

– Н-нет... Не припомню. А вы сами-то кто будете? – простодушно улыбнулся Каморин.

– Греков, – коротко представился начальник. – Зам по розыску.

– А-а... Нет. Не виделись, товарищ Греков. Я не по вашей части, – покачал головой Каморин. – Я вообще ни в полиции, ни в милиции не бывал раньше, так что...

«Греков... Греков...» – вспоминал Каморин. Нахимсон предупреждал. Тип весьма подозрительный. И надо ж было этому чёрту так не вовремя оказаться здесь!

– Ну, утро ночи мудренее, – опять ухмыльнулся Греков и встал со стула. – Завтра выясним, какой вы Уткин, по чьей вы части и где мы с вами встречались... Встречались ведь!

Василия Андреевича препроводили в камеру. В её просторном, рассчитанном на большой приток постояльцев чреве ночевали всего трое. Один был здорово пьян, мычал, икал и, мучительно трезвея, болезненно мотал головой. Второй сидел на топчане, ёрзал, хрустел

трухлявым соломенным матрасом, вздыхал и зевал. Третий спал. С аппетитным, утробным храпом. Сутки с лишним не спавший Каморин задул принесённую караульным свечу, вздохнул, лёг на топчан и затих, закинув руки за голову. Что ж, можно и вздремнуть. Теперь ничто не мешает. А утро ночи и в самом деле мудренее. Усталость взяла своё, и Каморин отключился. Намертво. Без сновидений.

Проснулся он от грубых толчков в бок. С трудом разлепил глаза и увидел над собой встревоженное лицо сокамерника.

– Вставай. Ну! Вставай же. Слышь, стреляют... По всему городу палят, что за чёрт...

Каморин, не выдавая беспокойства, прислушался. Треск винтовочной и револьверной пальбы долетал отовсюду, и трудно было сказать, в какой стороне стреляют. Казалось, что везде. Сердце упало. Так надеялся он, так хотел, вопреки всему, чтобы у Перхурова сорвалось. Но нет. Что ж, судьба и так достаточно поулыбалась им.

Шумы движения на улице как будто стихли. Слышались лишь недалёкие выстрелы. Уже не такие частые и ожесточённые. Стало беспокоино. Одолевало нетерпение узнать, захвачен ли город, или же атака Перхурова каким-то чудом захлебнулась. Но ответ не замедлил явиться. Лично. В виде комиссара милиции Фалалеева. Грубое лицо его было припухшим, не то спросонья, не то с похмелья. Воспалённые глаза хмуро глядели на обитателей камеры.

– Ну, вот что, шантрапа, – хрипло, лениво и густо, будто через силу, выговорил он и открыл учётную книгу. – Дуракам, говорят, везёт... Та-ак. Филиппов, Кандыбин, Мамонов и... Уткин! Спекуляция, драка, пьяный дебош, хулиганство... Мелкие вы людишки. И ведёте себя мелко... Пакостники.

И сурово, с прищуром, оглядел постояльцев. Невзрачный жалобно вздохнул. Храпун вытянулся лицом, подавляя зевок.

– Вот что, негодяи. Ваше счастье. Даю вам пять минут – и чтоб духу вашего тут не было. Барахло в зубы – и вон отсюда. Время пошло!

Арестанты не заставили себя упрашивать. С мышинной резвостью за минуту ушмыгнули они из камеры. Последним, с достоинством, но поспевая, однако, за другими, вышел Каморин. Стоявший у двери Фалалеев даже не покосился на него. Он спешил, наверное, освободить место для новых, куда более интересных постояльцев. С Грековым он, судя по всему, повидаться не успел. Иначе разговор был бы совсем иной. Если бы вообще был. Но Василий Андреевич не упустил возможности оглядеть Фалалеева. Комиссар милиции был в новом кителе, а на левом рукаве аккуратным бантом красовалась белая повязка. «Это ещё что?» – опешил поначалу Каморин и, догадавшись, усмехнулся горько и зло.

На Ильинской площади было уже вполне светло. Здесь, у отделения, было пусто, но у храма Ильи-Пророка копошилось и суенилось несколько десятков вооружённых людей. Некоторые были в военном, но большинство – в штатском. И у всех на рукавах белые повязки. Далеко видны, в глаза так и бросаются. Туда нельзя... Повинуясь мгновенному наитию Каморин зашёл за угол отделения и, держась стены, чтоб не увидели из окна, вынул носовой платок, сложил его угол к углу и аккуратно повязал на левое предплечье. Не хуже, чем у Фалалеева. Противно, да ничего не поделаешь. Надо уцелеть. Жизнь на этом ещё не кончена, а там посмотрим, чья возьмёт...

Стараясь не привлекать внимания, он неторопливо, но деловито зашагал в сторону храма. Возле тротуара, над решёткой водостока стоял какой-то человек в полевой военной форме с невзрачным, пожелтелым лоскутом на предплечье. Каморин поравнялся с ним, и их глаза на миг встретились. Василий Андреевич содрогнулся. Ёкнуло и провалилось, как в холодный погреб, сердце. И зачастило, зачастило вдруг. Это был Супонин. Командир бронедивизиона. Тот тоже узнал его. Остолбенел и выпученными глазами уставился в его уда-

ляющуюся спину. Каморин прибавил шагу и уже смешался было с многолюдьем белоповязочников на площади, как услышал за спиной неуверенное, будто вопросительное:

– Стой?..

А потом во всю мочь, на разрыв груди и рта:

– Сто-ой!!! Стой, гад! Держи! Держи большевика!

Мельком оглянувшись, он увидел, что Супонин бежит за ним, выхватывая револьвер.

– Стой! Стой! – крикнули вслед ещё два голоса.

Недолго думая, Каморин рванулся в сторону Ильи-Пророка и, лавируя между толпящимися у ограды храма перхуровцами, стал пробираться в сторону Пробойной улицы, надеясь уйти проулками. Преследователи в такой скученности стрелять не рискнули, но за спиной слышался уже переполох, крики и беготня. Каморин натёкался на штатских и военных в белых повязках, извинялся, отскакивал, петлял. К концу площади многолюдье чуть разрядилось, и преследователи опять увидели его.

– Вон он! Вон он! Держи! Держи большевика! – понеслось вслед вместе с топотом. Теперь за ним гналось с десятков человек, но близки были спасительные ярославские закоулки. По ним-то и пошёл петлять Каморин, слыша уже привычный топот и матерные окрики за спиной. «Пах! Пах!» – хлопали беспорядочные выстрелы. Пули свистели высоко и где-то в стороне. Преследователи на бегу не могли прицелиться, да и Каморин то исчезал за кустами, деревьями и сараями, то выскакивал откуда-то внезапно, и пули летели мимо. Со времён его детства и юности ничего тут не изменилось. Тут пролом в заборе, там тупичок, где перхуровцы потеряют время, здесь узкий проход, залитый помоями, куда и сунуться-то в голову не придёт, а вот спасительное бельё на верёвках... Перхуровцы потеряли его из виду, и он выскочил в переулок. Тут кругом были глухие стены и запертые ворота, а выходить на улицу, где его наверняка схватят – полное безумие. И, лишь заслышав близкий уже топот, Каморин рванул что было сил к Большой Даниловской, перемахнул в один прыжок изгородь палисадника углового дома и залёг в густом кусте сирени. И сапоги, сапоги, бесконечные сапоги по переулку... Каморин вжался в землю, но преследователи проскочили и загрохотали по Большой Даниловской. Судьба, несмотря на все гримасы, продолжала улыбаться ему.

Долго здесь не пролежишь, рано или поздно заметят. Искать Нахимсона бессмысленно: он наверняка уже схвачен и, вероятнее всего, убит. Всё равно он ничего им не скажет, а оставлять его в живых для Перхурова себе дороже. Эх, Семён, Семён... Жалко его. Но куда жалче Ярославль, мирных горожан, которые ничего ещё не подозревают! И пусть нет его вины в случившемся, пусть он, большевик Василий Каморин, сделал всё, чтобы не допустить этого – всё равно сердце не на месте. Как-то там сын Антон? И Дашка тоже, кажется, в городе... Что с ними будет? Риск выдать себя слишком велик, но он увидится с ними. И переправит за Которосль. Так. А сейчас – в Романов переулок. Там явочная квартира. Узнать новости, сообщить о своих злоключениях, привести себя в порядок, да и просто отосидеться. Перхуров сейчас будет занят обороной города, и до серьёзной охоты на большевиков у него не дойдут руки.

Раздался вдали, в самом центре города, глухой хлопок, и высоко в воздухе что-то трескуче зашипело. Ракета! Видимо, сигнал, что город взят. Зачастили по улице шаги. Перестрелка затихла. Каморин высунулся из-за изгороди и, улучив момент, перемахнул её. Быстро прошагал по Большой Даниловской и шмыгнул в ближайший прогон. Да, главная часть города захвачена. Но на Закоторосльную сторону Перхурову хода нет. Узнав об этом наверняка – а это скоро случится, – он будет очень озадачен и удручён. И в этом заслуга Каморина и его товарищей. Ничего. Ничего. Всё скверно, но ничего ещё не потеряно. Ещё посмотрим, кто кого.

Народоправство

В эту короткую июльскую ночь приснилось Антону детство. Будто идут они с отцом по улице вдоль длинного щелястого забора, и Антошка, озорую, ведёт по этому забору зажатым в руке сухим прутиком. Спотыкаясь на щелях, прутик отрывисто щёлкает по доскам: тра-та-та-та! А забор всё не кончается. Отец посмеивается, говорит сыну что-то увещающее, грозит пальцем, но тщетно. Не слышит Антон, увлёкся. Только забор перед глазами и нескончаемое «тра-та-та» в ушах... И вдруг он наткнулся на что-то, вздрогнул крупно, всем телом, и проснулся. Звуки не исчезли. Напротив, их стало больше, и перестук этот стал разнородным и беспорядочным. Антон вскочил. «Стреляют... Стреляют...» – отрывисто пронеслось в голове. «Пах! Пах! Пах!» – слышались глуховатые, лёгкие хлопки. «Хлесть! Хлесть!» – тяжело и звонко летело в ответ. «Револьверы... Винтовки...» – машинально и тупо спросонья отмечал Антон. В училище на военных занятиях его кое-чему научили. Но настоящую, живую, всамделишную перестрелку он слышал впервые.

Мягкая, замедляющаяся, сбивчивая дробь конского топота. Нарастающий натужный рёв моторов. Какие-то машины по Даниловской идут... Тяжёлые. Вон аж стёкла дрожат.

Антон нашарил брюки, натянул и поспешил к Даше. Она уже сидела на кровати, белея ночной сорочкой, озиралась и тёрла глаза.

– Антон... Что это? – голос сонный, но перепуганный, всхлипывающий. И выпростала уже из-под лоскутного одеяла ноги, пытаюсь встать. Антон, подскочив, схватил её за руки.

– Сиди, сиди... А лучше ложись... Ничего, Дашка. Стреляют, – и покосился на занавешенное окно. Но там как будто стихло.

– Вот так раз... – с непонятной горечью и обидой вздохнула Даша и крепко прижалась щекой к Антонову плечу. – Кто хоть?

– Да кто ж разберёт... – волнуясь и тяжело дыша сквозь зубы, выговорил Антон и бережно провёл ладонью по мягким Дашиным волосам. – Завтра всё узнаем... Завтра.

На работу он проспал. Обычно в половине седьмого всех в округе поднимал резкий, дребезжащий гудок табачной фабрики. Она тут близко, через квартал. Но сегодня гудков не было. Ни одного. Такого не случалось даже в самые смутные дни весны и осени прошлого года. «Серьёзное, видать, дело-то... Серьёзное!» – мрачно думал Антон, завтракая наспех отваренной «в мундире» картошкой. На ходиках с глумливой кошачьей мордой было начало десятого. И даже в жёлтых, грубо нарисованных, бегающих вслед за маятником глазах мнилось Антону что-то хитрое, тревожное, угрожающее. «Что же будет-то... Что будет?» – тоскливо задавал он себе привычный уже вопрос и с трудом проталкивал в горло липкие куски прошлогодней картошки. Даша подала ему кружку с водой. Он благодарно улыбнулся ей и вздохнул. В её усталых, с красными прожилками, глазах читались те же самые чувства – тревога и неопределённость. Девушка пыталась улыбаться, но улыбка получалась вымученной и смазанной.

– Антон, да не ходил бы ты никуда... Переждём давай, пусть всё уляжется. Мало ли что там! – присев возле Антона на корточки, просительно заглянула она ему в лицо. Высокий, выпуклый лоб чуть наморщился, а мягкая, наскоро заплетенная пшеничная коса тяжело упала с плеч на подол ночной сорочки. И словно фонтан обжигающе горячей нежности прорвался вдруг в груди Антона. В носу защипало. Заморгали глаза. Отведя взор и закусив губу, он помолчал и ответил:

– Нет, Дашенька, нельзя. Надо узнать... Я скоро, Дашка. Скоро, – успокаивающе кивнул он и ласково провёл пальцами по Дашиной макушке. – Только ты уж смотри, не подводи меня. Закройся – и сиди тихо, как мышь. Никому не открывай. Нет никого – и всё. Поняла? Девушка нехотя кивнула.

– А может, я с тобой? Мне ведь тоже интересно... Да и одной тут... Не боязно, а не по себе как-то. А, Антон?

– Что ты! Что ты! – будто отбиваясь от стаи назойливых мух, замахал руками Антон. – Не вздумай! Вдруг опять стрелять начнут? Нет, Дашка, сиди. Сиди и жди, – и, вздохнув, поднялся из-за стола, вдел ноги в сандалии, нахлобучил картуз.

– Ну, бывай. Ворота на засов, дверь запрёшь и – молчок, – напутствовал он Дашу.

– Антон... Прошу тебя, осторожней... Ты... У меня... – запинаясь, проговорила девушка – Кроме тебя... нет у меня здесь больше никого. Береги себя.

Антон пристально посмотрел ей в глаза, притянул за руки и поцеловал. В лоб. Целомудренно и опасливо. Резко повернулся и вышел во двор. А потом, коротко махнув Даше, за ворота. И услышал за собой стук задвигаемого засова.

Несмотря на ранний утренний час на улицах было тихо и пустынно. На бледных и смурных лицах редких прохожих читалось одно общее выражение тревоги и вопросительности. «Так, – отмечал про себя Антон. – Не я один, значит... Но что случилось-то? Что? И знакомых-то никого...»

На Сенной площади его путь пересёк небольшой – человек в двадцать – отряд вооружённых винтовками людей. Одеты они были в гражданское – пиджаки, сюртуки, брюки, рубашки, толстовки... На левом рукаве у каждого виднелась белая повязка. Возглавлял отряд невысокий приземистый человек в полевой военной форме. На плечах были защитного цвета погоны, а на околыше поношенной фуражки – продольно-полосатая чёрно-золотая георгиевская ленточка. Отряд, мерно покачивая штыками, шагал в сторону Всполья. «Погоны... белые повязки... – как-то само собой прикидывалось в уме Антона. – Белые? Да, похоже... – и Каморин закусил губу. – Ох, дрянь дело... Вот и до нас, выходит, докатилось. Вот так раз!»

Тихо было и на Большой Пошехонской. Антон завернул в переулочек и оглядел Дашин дом. Ворота закрыты. Забор цел. И сам домик весело поглядывает на редких прохожих двумя окошками в белых занавесках. Облегчённо вздохнув, Антон зашагал вниз, к Которосли. Но, миновав Большую Рождественскую, был остановлен властным окриком «Стой!» Подняв глаза, он увидел перед собой цепь милиционеров. Обычных городских милиционеров. Многих из них он часто видел раньше на улицах. Но теперь они сменили красноармейские «богатырки» на фуражки и картузы, а на светлых гимнастёрках виднелись следы споротых петлиц. Антон ошеломлённо остановился.

– Ну и куда прёшь, студент? – беззлобно, но ехидно обратился к нему ближайший милиционер, видимо, старший. – Не видишь, оцепление! Прохода нет. Кто такой?

Антон, чуть помешкав, назвал себя.

– Документ есть какой при себе?

– Нет. Я на мельнице работаю... Мне туда надо...

– Ишь ты, рабочий, значит... – прищурился милиционер. Антон, чтобы не вдаваться в объяснения, покорно кивнул.

– Руки покажь... Угу. Набитые. Трудяга... – пробурчал милиционер. – А теперь подними. Да не хлопай ушами-то, делай, что говорят. Силен! Пошупай.

Тут же подскочил другой милиционер и быстро, привычными движениями, обыскал Антона.

– Чисто! – коротко доложил он.

– Ладно, – солидно кивнул старший и степенно пригладил усы. – Ну вот что, пролетарий. Шуруй-ка отсюда, и поскорей. Туда прохода нет. Там опасно, и посторонним шлаться не положено. И не думай. Подстрелят. Ясно? Мельница твоя сегодня не работает. Ввиду сложной обстановки в городе. Усёк?

– Да что случилось-то? – в полном замешательстве воскликнул Каморин.

– Читать умеешь? Вон там, на перекрёстке, на тумбе, всё и прочитаешь. Валяй! – и милиционер развернул его за плечи и легонько подтолкнул в спину.

На углу Пошехонской и Большой Рождественской, у круглой афишной тумбы, собралась плотная толпа. На тумбе виднелись какие-то серые листки с крупно отпечатанным текстом, но пробиться поближе и прочитать не было никакой возможности. Люди сгрудились, сбились один к одному, вытягивали шеи и делали ладони козырьком, силясь разглядеть написанное. Кто-то звонким молодым голосом вычитывал отдельные фразы, и тут же в толпе начиналось оживлённое, беспорядочное и бестолковое обсуждение. Антон затесался в задние ряды и весь обратился в слух. Молчать и слушать. Только так узнаешь всё и даже больше, чем написано в этих убогих листовках. Кое-какой опыт знакомства с подобными воззваниями подсказывал, что правда в них скрыта между строк.

Вслед за Антоном в толпу вливались всё новые и новые люди. Встревоженные мужики скребли в затылках. Заспанные женщины в платках поёживались: день бессолнечный, серый, а ветерок с Волги свежий.

– Чего там? Опять декрет? – проворчали над самым ухом Антона.

– Да нет... – отозвались впереди. – Советскую власть скovyрнули!

– Че-го?! Ну, мать честная... Опять революция?

– Ох, и времечко!

– Играют в свои бирюльки, что дети малые, ей-богу... – вздохнула женщина в сбитом на сторону, наспех надетом сарафане. – Сами-то не голодают, небось. Знай бегают да палят. Всю ночь, как оглашенные... О, Господи!

– Это ж надо, а? Третья власть за год... И когда они только кончатся?

– «Всё Поволжье... Москва в кольце восставших городов...» – доносил из первых рядов всё тот же звонкий голос. Антону он казался странно знакомым.

– Ого! Не на шутку взялись! Серьёзные, видать, люди!

– Ну, если этих краснозых уберут, никто и не заплачет! Страна чертокопытом летит, а они знай горлопанят! Байки травят! Мировая революция, твою мать! Вот и получили!

– Ты не очень-то. Эти, думаешь, лучше? Все они одним дерьмом мазаны. Все на наших шеях да горбах выезжают!

– И то правда, никому уже веры нет... При Николашке-то хоть хреновый, а порядок был!

– Да иди ты со своим Николашкой! Опять, значит, господ нам на головы насадят? Работай на них, оглоедов, с утра до ночи...

– Зато при красных ни господ, ни порядка, ни работы! Благодетели, чтоб их...

– Ага! А эти тебе прямо на блюдечке всё поднесут! Жди! Дерьма на лопате!

– «На-ро-до-правство»! Во как завернули! – скрежетал высокий, сутулый, седобородый дед у самой тумбы. – Народноправство! – веско, со значением повторил он, будто на вкус попробовал и оценил. – Хорошее дело!

– Народ, стало быть, править будет? Ну-ну... Слыхали!

– А вон, глядите! – обернулся на толпу от тумбы худощавый молодой человек в студенческой тужурке. – Всю землю – в собственность крестьянам! Эй, дядя! Ты что скажешь?

– А я чего? – пожал плечами мужик в грубых штанах, лаптях и с котомкой через плечо. – Поживём – увидим. Только враньё это.

– А вдруг? – ехидно сощурился, наседали студент.

– Вдруг только дрисня, – рассудительно возразил крестьянин. – Знают, на что нас можно взять. Только нет больше дураков. Красные вон тоже сладко пели...

– «Будет привлечен частный капитал», – снова донёсся до Антона знакомый звонкий голос от тумбы.

И тут же пошло-покатилось:

– Капитал... Вон к чему, значит! Так бы и начинали, чтобы сразу ясно! Тьфу!

– Спекулей узаконят, выходит? А нам опять хрен на блюде, кланяйся ходи да плати втридорога... Да пошли они к едрене фене!

– «Владычество хулиганов»! Во как! Это про красных, – пояснил звонкоголосый грамотей. Антон вспомнил его. Это был Мишка Шарапин, тоже реалист, классом младше Антона. Крикун и заводила всякого озорства. Его голос то и дело звучал в коридорах на переменах и на заднем дворе после занятий. А теперь в нём появились важность и степенность. Ещё бы! Просвещает людей. Помогает читать важный документ! И горожане охотно откликались.

– Точно! Шпана краснопёрая! Так их, пусть охолонут! Хулиганы и есть. Наглые и безмозглые... – близоруко щурясь, проскрипел тщедушный, с густыми бакенбардами, старикан, похожий на гостиничного швейцара.

– погоди, папаша, теперь эти хулиганить станут! Шило на мыло!

– Поживём – увидим, – опять вздохнул крестьянин. Тихо и примирительно. – Кто нас спрашивает-то? Бог милостив, чем-то да закончится вся эта ерундовина. Не навек же эта чехарда... Так не бывает.

Но не слушали его люди.

– Учредительное собрание!

– Гражданские свободы!

– Народоуправство!

Умные эти словечки летели уже по всей толпе. Образованные все стали. Грамотные. За полтора года передраг такого наслушались – куда там профессорам! А что на плечах равненько подлатанное, на ногах обувка раздрызганная, а кое-кто и босиком щеголяет – это ничего, лето тёплое. А что брюхо с голоду воет да рычит, так это не привыкать. Революция... Второй год революция, ни дна ей, проклятой, ни крыши!

– Да кто они такие-то, новые эти? Как себя называют?

– Да какая разница? Контра – она и есть контра. Вот и всё. Чего тут миндальничать? – процедил сквозь зубы и сплюнул худой рабочий с густыми усами на осунувшемся лице. – Только начали жизнь налаживать, и вот тебе!

Антон заинтересованно глянул в его сторону. Хоть и не любил Каморин этих новомодных словечек, но сейчас был вполне согласен с этим усталым человеком.

– Вот-вот! Только и знаете – контра! Ещё за наган схватись! – подбелдыкнул его старик с бакенбардами.

– Ещё схвачусь, – глухо ответил рабочий.

– Союз Защиты Родины и Свободы... Добровольческая армия... – долетали обрывки Шарапинского голоса. – Вот! Подпись! «Главначальствующий, командующий Северной Добровольческой армией Ярославского района полковник Перхуров»! – и Мишка, не совладав с голосом и дыханием, закашлялся.

– Ха! Полковник! Могли бы для приличия и в генералы произвести!

– Перхуров... Перхуров? Перхуров! – понеслось по рядам на разные лады.

– Перхурев, – смачно выговорил худой рабочий и опять сплюнул.

– Главначальствующий! – нашёлся ещё какой-то остряк.

– Да тише вы, дурачье! Глядите, едут! Сюда едут! – побежали тут и там беспокойные голоса. Люди заозирались. Оглянулся и Антон.

Снизу, от Которосли, с беспорядочным цокотом копыт вывернулись на худоватых лошадаках четверо верховых. Двое в кителях, двое других в милицейских гимнастёрках, фуражки. Ни петлиц, ни погон, ни кокард. Сборище у тумбы попритихло.

– Это ещё что за архангелы? – понёсся тревожный шепоток.

– Ребята, да это ж Фалалеев, наш главный милиционер! Эким чёртом!

– Во! И Греков! Тоже из их конторы начальничек... И Карасёв! Ну, дела!

– А чего? Эти драконы ни при ком не забедуют! Всегда нужны!

– Пойдёмте-ка отсюда, ну их!

– Дудки! Свобода – она всем свобода!

– А ну! Р-разойдись! – рявкнул горластый Фалалеев, картинно ставя коня на дыбы перед горожанами. – Эт-то что ещё за сборище? Быст-рро!

Четвёрка всадников въехала в самую толпу, расталкивая собравшихся.

– Очистить улицу! Живо! – надсадно, прокурено рявкнул рябой, со следами оспы на лице, Карасёв. – Отвыкли от порядка, охломоны! Привыкайте!

Озадаченные ярославцы отпрянули и, опасливо оглядываясь, стали разбредаться. Отошёл и Антон, остановился у подворотни ближайшего дома и, досадливо сжав зубы, ждал, чем всё закончится.

У тумбы остались самые упрямые. Среди них – крестьянин, худой рабочий, несколько гимназистов и студентов. Человек десять. Милиционеры толчками и пинками прогоняли их. Взярылся, получив от Карасёва ногой в спину, рабочий.

– Совсем очумел, сволочь? – ощерился он, обернувшись. Но Карасёв с наезда пнул его сапогом в плечо. Рабочий отлетел и упал на мостовую.

– С-сука... – прошипел он, пытаясь подняться. Но застыл. Прямо на него – в упор – глядел чёрный злобный зрачок револьверного дула.

– Отпрыгался, гнида! – оскалился Карасёв и спустил курок. Хлопнул выстрел, но в этот самый момент рука его резко дёрнулась вверх, и пуля хрустко врезалась в стену дома, брызнув жёлтой штукатуркой. Испуганно всхрапнула и затопотала лошадь.

– Остынь, Карасёв. Остынь... – сквозь зубы проговорил ему Фалалеев. Он и ударил его под руку. – Это зря, – сказал он громче, уже для публики. – Мы ж не большевики, в конце концов! Мы – народная власть, мы всё по закону... Расходитесь, граждане. Расходитесь, не задерживайтесь. Прочитали – и пошли. Пошли, пошли! – уже мягко, без угрозы, покривил он.

– А это... Ваше благородие... Или как вас теперь? – ершисто проговорил Мишкин голос. А потом Антон увидел и самого Мишку, маленького вертлявого паренька в ученической фуражке. – Вон же написано: гражданские свободы! А вы нас гоняете! Разве по закону?

– Та-ак... – прищурился Фалалеев и направил коня к тумбе. – Это кто тут? Ты, что ли, молокосос?

– А вы не обзывайтесь! Нет такого закона, – вытянулся по струнке Мишка. Голос его дрогнул.

– Молчать! – рявкнул Фалалеев и потянулся было правой рукой к кобуре. Но совладал с собой.

– Грамотный, значит? Умный, да? – зло кривя губы, стал он наседать на Шарапина. Тот отступал, отходил в сторону, но начальник милиции мастерски орудовал поводьями, пока не припёр его снова к тумбе. Ноздри коня горячо, с прихрапом, дышали пареньку в самое лицо. Мишка пытался глядеть прямо на Фалалеева, но видно было, как ему страшно. Лицо стало белым, как мел. Подкашивались колени.

– Значит, ты умный? А это видел? – летней грозой прогремел над ним Фалалеев и указал на тумбу. Там, поодаль от листка с воззванием, был ещё один. – Читай! Вслух читай, грамотей, мать т-твою перемать! – густо, как тяжкий колокол, гаркнул он. – Пункт второй!

– В... впредь... до вос... становления нормального течения жизни в городе Ярославле... – забубнил перепуганный Мишка. Губы прыгали. Зуб на зуб не попадал. – Вводится военное положение и запрещаются... в... всякие сборища на улицах в пуб... бличных местах... Полковник Пер... Перхуров, – сглотнув, выговорил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.